

Амрита Альгома

Простая История

роман

ТОМ 3

18+

Амрита Альгома
Простая история. Том 3

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Альгома А.

Простая история. Том 3 / А. Альгома — «ЛитРес: Самиздат»,
2003

ISBN 978-5-5320-9202-0

В мире Джефа существует только ответственность. Там нет радости или веселья, нет спокойствия и любви - есть только долг. Но ему встречается Николь, которой угрожает смерть. И вся полнота выполненного долга не может ее спасти. Лишь любовь и доверие. Нужно только поверить...

ISBN 978-5-5320-9202-0

© Альгома А., 2003
© ЛитРес: Самиздат, 2003

Содержание

Часть вторая	5
Том 3. Menuetto	5
3	20
4	28
5	41
6	50
7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Часть вторая

Том 3. Menuetto

1

Странно, но впервые свою новую квартиру Джеф увидел вместе с Николь. Когда они вышли на стоянку у госпиталя, Том помог устроиться Марине с матерью и стоял у машины. Николь ловко выхватила из пальцев Джефа длинную пластинку сигнализации, заставляя "Дьявола" махнуть "ресничками", отодвинула дверцу и с ходу устроилась на сидении, даже не дав возможности Джефу помочь ей.

Том сначала не понял, что это значит. Николь крикнула ему, помахав рукой:

– Папа! Вы ежайте, а мы следом.

– Поехали, – посоветовала сзади ему Марина.

В её голосе угадывалось опасение, что он сейчас, тут же, на остановке начнёт выяснять отношения. Раздражённый, Том молча сел рядом с Франческой, захлопнул дверцу, откинулся на спинку сиденья, поджав губы. Мери что, беспокоится, как бы он не учинил скандал? Хорошенькое же о нём мнение у собственной жены! Он окинул взглядом выпрямленную спину Марины и её приподнятый напряжённо подбородок. Рядом повозилась тёща. Том скопил на неё глаза: она-то ещё что скажет?

– Мне понравился персонал в этом госпитале, – дипломатично изрекла сеньора Франческа. – Очень приятные врачи, очень внимательные. А вы не забыли купить конфеты сиделкам?

– Джеф не забыл, – уронил отстранённо Том. – Каждый день, кажется, оставлял по три коробки для всех смен. Интересно: и когда успевал.

– Скорее это Майкл старался, – подумала вслух Марина.

– Кстати, я его знаю, Майкла, – неожиданно признался Том. – Мы с ним встречались на презентации одного фильма. Я делал небольшую программулину на заставку, а Майкл его продюссировал. Эти родственные связи меня, надо сказать, удивили, – он нервно оглянулся. – Что-то я не вижу этого гонщика.

"Гонщик" в это время летел по другой дороге.

– Заедем посмотреть квартиру? – Предложил он.

– Давай. – Согласилась Николь.

– Собственно, я там был. Один раз, когда отвозили вещи, но наверх подниматься было некогда, – объяснил Джеф. – Если честно, мне просто одному туда заходить не хочется. Переезды для меня всегда были связаны с неприятностями. Неуютно как-то.

Да что там – неуютно. Он не мог себе представить, как он вечером придёт в квартиру, совершенно чужую, где ни разу не был. Один. Без Николь.

После этого месяца, всего наполненного её присутствием рядом с ним?

Николь положила ладонь на его руку, привычно лежащую на колене. Джеф притормозил у входа, наблюдая, как к ним спешит швейцар. Отстегнул ремни и с досадой увидел, что Николь уже помогают выйти из машины.

– Мы ненадолго, – бросил он, отдавая шофёру ключи.

Управляющий проводил их наверх и сам открыл дверь. Джефу было грустно. Теперь он отчётливо осознавал, какую глупость он сделал. Желание быть поближе к Николь привело к совершенно противоположному результату. Скрытая тяга избавиться от одиночества, вылившаяся в приобретение квартиры, фактически выставила напоказ его чувства к Николь.

Эта мысль совсем испортила ему настроение, настолько, что Джеф даже не мог оценить, нравится ему эта квартира или нет. Неприятие ситуации напрочь блокировало исследовательское начало. Николь мгновенно уловила в нём перемену.

– Ну, чего ты погрустнел? – Поинтересовалась она. – Стакан воды у тебя найдётся? Или здесь ещё пустой холодильник?

– Не знаю, – отвлёкся от своего уныния растерянный Джеф, понемногу приходя в себя. Ему предлагалась задача. Надо было её скорее решить. – Сейчас проверю.

Вряд ли пустой, конечно. Если за дело берётся Майк, можно не сомневаться – это будет сделано полновесно. Джеф мог без малейшего беспокойства отправляться на кухню – там, в шкафах и холодильнике найдётся не только продуманный НЗ, но и парочка вагонов снеди, предназначенная для полугодовой осады. Такая запасливая предусмотрительность в Майке его всегда поражала.

– Проверь, – покладисто склонила голову Николь. – А я посмотрю твой новый аэродром.

Она бросила шубку на светлое кресло, скинула туфли и вздохнула, потягиваясь. Обернулась. Джеф стоял и смотрел на неё, не двигаясь с места.

Задумчивый и, кажется, удивленный её определением. Что-то ему тут не по себе.

– Мне здесь нравится, – улыбаясь, она оглядела его грустную неподвижность. – А почему кресла разноцветные?

– Дизайнерское решение, – уронил Джеф, не шевельнувшись и не осматриваясь. – Ты же сама выбирала.

– Да? – Удивилась Николь. – Не помню. Где моя вода? – Поинтересовалась она насмешливо.

Он сознательно встряхнул себя, пошёл на кухню. Вскоре вернулся с бокалом воды из фильтра. Поднос было искать лень, и он просто прихватил салфетку.

Николь медленно миновала рояль, дотрагиваясь до него кончиками пальцев, словно приветствуя. Все его замечательные потёртости Джеф отреставрировал. Николь обрадовалась, увидев инструмент снова. Когда их споры с Джефом о рояле достигали апогея, последнее слово Джеф всегда ухитрялся оставить за собой. Тогда Николь серьёзно опасалась, что рояль вообще обретёт себе новый дом где-то подальше от Джефа. Значит, Джеф решил оставить его для неё.

Знакомые вещи, перевезённые из особняка, дарили небольшое утешение, примиряя с переменами. Видимо, и ей переезды не по нутру. Она осторожно двигалась по комнате, рассматривая новые вещи, купленные для квартиры. Одно дело видеть всё это на слащаво-красочных рекламных картинках и совсем другое – наяву. Было странно незнакомо всё и так неуловимо знакомо. Реальная мебель не вызвала у неё прежнего восхищения своими линиями, но создавала ощущение покоя своей тяжеловесной мягкой добротностью. Тёмно-коричневые и бежевые кресла смотрелись возле рояля, как его естественное дополнение. Из гостиной Николь медленно поднялась на второй этаж и прошла коридором в комнату, явно предназначенную для спальни. Широкая кровать стоит непривычно у самой стены. Сочно-жёлтый пол покрыт хитрым узором. Джеф, как истинный ценитель, не признаёт искусственных покрытий. Как он так ухитрился: эта квартира отделана неделю назад, а производит впечатление старой капитанской каюты на историческом паруснике. Везде морёный дуб и уют строгой рациональности. Николь хмыкнула: наземный парусник! Странная спальня. Тихая, спокойная, неяркая и нескучная. Было что-то в её облике, напоминающее Джефа. Обстоятельность, что ли? Интересно, но он убрал из спальни телевизор.

Николь заглянула в ванную, постояла на пороге. Ну, любитель джакузи! Он и здесь её установил. Ванная была не розовая, как в доме, а вся в голубых тонах.

Николь поймала себя на сравнении с прежней ванной и поняла: она просто сравнивает особняк с квартирой. Глупо. У папы с мамой в её комнате тоже ванна голубая. Может, так будет привычнее? А, кстати, почему он выбрал голубой цвет? Он же не был в её ванне. Тут она

вспомнила, что сама и выбирала. Надо же, совсем вылетело из головы. Хорошо, что тут окно есть, примиряет. Было бы ужасно заходить в вечно тёмный квадрат внутри квартиры. Правда, пасмурная погода сейчас не добавляла ни света в ванную, ни настроения Николь. Это Джефу нравятся тяжёлые синеватые горы в небе. Ей дождевые тучи не нравились однозначно. Куда лучше белые барашки сверху да при закатном солнце. И чтобы легко форму меняли, рождая немислимые образы.

Она вздохнула. Дернула хвостик выключателя.

Желтоватый свет залил её лицо, отразившееся в зеркале над раковиной.

Ладно, раз он хочет жить так, она привыкнет к отсутствию прозрачных вставок под крышей, за которыми смутно угадывались разноцветные облака. Привыкнет к металлическим перилам изящной лестницы в гостиной. Привыкнет к этой ванне. Привыкнет к мягкой мебели без ножек, к этому бежевому половому покрытию вместо красного мрамора. Хорошо, что она хоть цвет для пола другой предложила: меньше напоминает.

Николь постояла, разглядывая самоё себя и слушая, как течёт вода из крана.

Намочила руку, провела по лбу. Она отчётливо похудела за время болезни, и это совсем не добавило ей привлекательности. Смотреть на себя было просто тошно. Как же она не смогла его уговорить остаться в особняке? Ведь даже не пыталась! Николь вздохнула, поворачивая голову из стороны в сторону, разглядывая себя почти в профиль. И что ему тут нравится? Выключила освещение над зеркалом и пошла вниз. Что-то она всё вздыхает и вздыхает.

Джеф сидел в тёмном кресле, откинув голову на спинку и расслабившись. Он как-то странно выглядел: словно только проснулся. Растерянный, усталый. Николь огляделась в поисках воды. Ну, где ещё искать: как обычно поставил в центре стола. Джеф неосознанно делает акценты. Она бы поставила рядом с собой, а он обязательно сделает лишнее усилие, чтобы обезопасить всех от падения бокала и кучи осколков с лужей на полу. Николь улыбнулась: в этих мелочах весь Джеф.

Взяла бокал, сдвинув движением салфетку, на которой он стоял, глотнула. Настроение немного улучшилось. В конце концов, эта новая квартира может обозначать совершенно другую жизнь. И ведь она же сама её выбрала. Надо во всём искать хорошее. Отсюда ближе к родителям и школе, что тоже, наверное, плюс. Николь качнула головой. Все эти самоуговоры ей точно не помогали.

Она присмотрелась к Джефу. Он уныло полулежал на сиденье, следя за ней глазами и ей захотелось его встряхнуть. Чтобы он улыбнулся. Они бы подурачились немного, щекоча друг друга. Засмеявшись коротко и негромко, Николь устроилась у него на коленях, откинулась спиной на его грудь, пристраивая голову под подбородком. Джеф неосознанно подогнал свою позу так, чтобы ей было удобнее. Положил руку ей на голову, поглаживая её волосы. Но у него на коленях дурачиться сразу расхотелось. Николь показалось, что она попала в поле его грусти. Интересно, что его так выбило из колеи? Незнакомый дом?

Она знала, что он не любитель нововведений, ему приходится тратить время и энергию, чтобы привыкнуть. Или резкий переход из госпиталя к обычной жизни? А вообще, как ни странно, приспособляемость Джефа довольно высока. Он не принимал всё с христианским смирением, конечно, но умел просчитывать ситуацию и, когда видел, что новое разумно, не тратил себя на удержание прежнего.

Николь чуть расслабилась на нём, как на матрасе, ощущая, как он бережно поддерживает её. Они посидели так немного, молча. Разговаривать не хотелось и шевелиться не хотелось. Оглядывали вместе незнакомое пространство, пытаются привыкнуть к новому положению. Николь почему-то показалось вдруг, что изменилось всё. Так, как в особняке, уже не будет.

Джеф прислушивался к её дыханию, наслаждаясь мягкой гладкостью её волос и тихонько трогая губами и кончиком носа её макушку. Наверное, внимание к её дыханию теперь можно

отнести в разряд привычек. Ощущение этих тонких волос, немного прилипающих к его губам при поцелуях, вынуждало его блаженно прикрыть глаза. Он и закрыл. Это было здорово.

Николь чуть переменяла позу и Джеф поймал себя на том, что рефлекторно сжимает руки и тянется губами за ней.

Остановился. Вздохнул. Погладил её по голове и сказал:

– Нас потеряют. Всё посмотрели. Воды попили. Пора ехать.

И хмыкнул, словно посмеиваясь над своими словами. Что он посмотрел-то? Николь вздохнула. Было так хорошо сидеть на нём, бездумно, чувствовать тепло его губ на коже. И вот – на тебе. Всё кончилось. Как у него так получается? Только она настроится на одно ощущение, как Джеф быстро перебрасывает её в другое.

– Всегда так, – повторила она вслух.

– Как? – Спросил Джеф заинтересовано.

– Я за тобой не успеваю.

– Не беспокойся, я не дам тебе отстать, – усмехнулся он.

Пришлось вставать. И ехать домой. В машине их застал звонок Майка.

– Вы где? Меня Марина трясёт, словно я вас караюлю.

– Итак, первое, что вы вчера делали: описывали сами себе свой образ Бога, – неторопливо говорил утром отец Тед, вышагивая вдоль скамей и глядя, как Джеф встаёт на колено при входе.

Джеф, досадуя на себя, прошёл поближе к собравшейся группе. С этим переездом всё расписание полетело вверх ногами. Да ещё Стив вчера свистнул его для подмены – у Харта тоже кто-то заболел. Втиснулся на скамью. Хотелось закрыть глаза. Он провёл мерзкую ночь, наполненную одиночеством, потому, что сквозь сон чувствовал отсутствие Николь рядом. Подскакивал, вздрогнув. Неприятное ощущение, как выстрел. Оглядывался, чертыхаясь. Поднимал с пола одеяло, снова ложился. Сколько раз? Он не помнил. Просто в полусне ждал, когда, наконец, эта длинная ночь кончится.

Едва начало чуть светлеть на востоке, ложиться снова расхотелось. Он поднялся, постоял у окна, ощущая пустоту вокруг и в голове. Ну, хоть вид из окна приемлемый: дома всё заслонили розы.

Небо чёрно-фиолетовое, земля чёрно-серая, со вкрапленной в неё россыпью разноцветных огней. Широкая тёмно-синяя полоса опоясывает горизонт. Она медленно розовела снизу, становясь ярче, подсвечивая крыши и растворяя огни до бледности. На приход утра смотреть интересно. Хотя таять от восхищения у него не получалось. Сколько он не читал описаний прихода солнца, везде сплошные восторги. Глядя сам, Джеф изумлялся: чем восхищаться? Перемене цвета?.. Яркости?.. Восход не вызывал у него никаких чувств, только облегчение иногда.

Восход – это разумно. Тьму сменяет свет. Значит, мир устроен рационально: тьму сменить необходимо.

Пока вокруг него булькала вода в ванне, вспоминал свой распорядок на сегодня: второй день у Теодора, вечером обед у Николь. Это несколько подняло ему настроение. Джеф почти успокоился, думая о Николь. Потом заторопился, вспомнив о времени. И всё равно опоздал – непривычный, не просчитанный по длительности, путь.

– Сегодня я хочу предложить вам другую задачу, – голос Теда приближался и Джеф открыл глаза.

Когда это он успел так длинно моргнуть? Значит, сам не заметил, как наполовину заснул. Ему стало смешно. Ну и состояние, не понятно только Тед их нарочно в него загоняет или Джеф сам так старается? Полусон-полуявь. Сейчас как запрограммируется: будет потом удивляться – откуда только что взялось из его новых убеждений.

– Ответьте сами себе на вопрос: что мне мешает сказать с открытым сердцем и душой: "Господи, я выбираю жизнь!" Для меня всегда чудесным примером работы над собой в возрастной в любви являлась святая Тереза Младенца Иисуса, Тереза Малая. Она жила в монастыре и её окружали монахини. Казалось бы, тут можно быть настолько близко к Богу, насколько это вообще возможно, ведь монастырь – не наш обычный мир, с его искушениями и испытаниями. Но и здесь перед человеком встают проблемы его собственных симпатий и антипатий, проблемы быта, как в любой семье. Одна монахиня из их обители обладала способностью во всем Терезе не нравиться. Тереза, не желая уступить чувству естественной антипатии, старалась, как только могла, выражать ей свою любовь: хоть улыбкой при встрече. И однажды эта сестра-монахиня спросила её, что же так привлекает в ней сестру Терезу Младенца Иисуса и Святого Лица. Подумайте только! И ведь это просто бытовое общение: обычные, семейные будни. А как много может дать пищи для размышлений этот маленький пример. О любви. О способе её выражения человеком. К миру, к людям, к себе. Вы уже почувствовали это с помощью наших вчерашних упражнений. Поскольку все мы стремимся к любви и осознанно, и неосознанно, мы часто желаем этой любви всем сердцем, не задумываясь, что именно мы делаем, чтобы получить желаемое. Обычно получается так: многие наши ожидания не оправдываются. Почему? Да потому, что наша карта желаемого, нами созданная, соответствует нам, а не той личности, на которую направлены наши желания. И получается, что наши прогнозы, наши чаяния и устремления совсем не соответствуют действительности. Сегодня я предлагаю вам подумать о своих собственных прогнозах. Не рисуем ли мы мир таким, каким желаем его видеть? Насколько мы зависимы от собственных предположений о поведении других людей и Господа. Вижу, смеётесь. Но так есть. Люди обычно нам видятся в равновесном соотношении взятого-полученного: я тебе дал столько, ты мне должен столько. Бог часто воспринимается автоматом по выдаче гигиенических пакетов: я тебе молитву, ты мне просимое. Получается, мы сами себя загоняем в рамки воображаемого мира, ставим себя в зависимость от собственных устремлений, надеваем шоры ожидаемого прогноза. Я предлагаю вам сегодня попробовать расширить кругозор восприятия мира. Подумайте, что у вас стоит сейчас на первом месте? Что больше всего тревожит и чего больше всего желается, в чём у вас самая большая нужда, по вашему мнению. Потом попытайтесь ответить сами себе на вопрос: почему? Когда вы проясните для себя причину собственной нужды, легче будет попытаться найти и её истоки. Лукавый всегда действует очень хитро, заставляя человека желать того, что ему кажется необходимым. Мелкими уступками себе соблазняет душу ко греху, внушает кажущуюся необходимость желаемого. И мы, не задумываясь о том, наше ли это собственное желание или желание, внушённое извне, начинаем стремиться к нему, спешим, как мотылёк летит на огонь. Как только нам удастся осознать истоки желаемого, часто становятся ясны и пути преодоления греха. И тогда станет проще понять нашу уязвимость перед грехом. Над таким вопросом я вам и предлагаю поразмыслить: в чём я более всего уязвим сейчас. В духе, душе или теле?

Джеф вытянул ноги вперед, откидываясь на сиденье. В духе, в душе, или в теле? Да тут и думать нечего. В теле, конечно. Отошли в прошлое времена, когда загрузка мозга была для него важнее всего на свете. Он тогда готов был всё положить на алтарь своего разума. Сейчас это было смешно. Джеф вздохнул, погружаясь в размышления. Может, пойти на второй этаж, как предлагал вчера Тед? Устроиться там в кресле и спать. Ну, нет. Он не будет прятаться. Если и заснёт, то тут.

Почему на реколлекциях спать хочется? Ведь интересно же! И вопросы прямо из психоанализа. Но, как ни странно, сон слетел с него без остатка, оставив голову прозрачно чистой. Всё так ясно осознавалось, что от этого становилось неуютно в желудке. Эй, святые, где вы! Ну, подскажите, как бороться с этой самой уязвимостью в теле?! Он смотрел на алтарь, удивлённый отсутствием сна, думал. Ему вдруг пришло в голову, что не надо бороться с уязвимостью. Надо осознать и только. Когда осознаёшь присутствие чего-то в себе, ты уже готов при-

нять величину ошибки. Легче контролировать себя. Ну да, легче, как же. Джеф непроизвольно фыркнул. Никогда ему жизнь не облегчало осознание собственных слабостей. Куда-то он не в ту сторону двинул, явно. Или правда, ясность хуже неясности?

Через час все снова собрались и Тед сказал:

– Сегодняшние плоды раздумий – ваши цветы для Святого Духа. Предлагаю завершить наше упражнение молитвой: не морально задерживать вас перед мессой. К ней ведь тоже подготовиться надо. Я вам напоследок предложу молитву, которая мне самому очень нравится:

Господи, дай мне познать то, что стоит знать,

Господи, дай мне возлюбить то, что стоит любить,

Господи, дай мне считать ценным то, что угодно тебе.

Теодор поднял руки, благословляя собрание, перекрестил со словами:

– Идите в мире Христовом. – Он сложил ладони на груди и, взглянув на Джефа, сидящего перед ним, добавил:

– Всё для вящей Славы Божией.

Джеф молча смотрел на него и не шевельнулся. Для вящей славы? Что он хотел сказать?

Теодор улыбнулся и ушёл в ризницу переодеваться. Джеф остался, задумчивый. Для Славы Божией? Это же вроде выражение Игнатия Лойолы, или нет? Просто изречение? Призыв? Молитва? Ёмкое выражение. Не удивительно, что без понимания многие отцы церкви стяжали себе столько врагов. Жаль, что люди не любят изучать и сопоставлять информацию, размышлять над ней и думать сами, а принимают готовые разжёванные истины, пусть неточные, под давлением авторитетов или собственной лени.

На хорах тихо запел органист, пропевая перед мессой псалом. Это неожиданное сожаление о мире заняло Джефа настолько, что он забыл, что хотел уйти. Орган плавил звуки, они таинственно тянулись и тянули за собой взьерошенное сознание. И Джеф остался, хотя собиравшись на эту воскресную мессу идти вечером, с Николь.

Ладно. Пусть будет две мессы у него сегодня. Вечером предстоятель отец Вильгельм. Даже интересно, что он скажет на проповеди. После мессы он не торопясь поднялся. Спешить было некуда: воскресенье. У него выходной и у Тома выходной.

– Джеф, могу я с тобой поговорить? – Окликнул его Теодор.

Джеф, добравшийся уже до выхода, оглянулся.

Тед догонял его, шагая широкими шагами.

– У меня к тебе просьба. Скоро у нас поклонение мощам святой Терезы Младенца Иисуса и Святого Лица. Это всего один день, мало конечно, но мы всё равно рады такому событию. Дело в том, что потом нужно отправить мощи в следующий пункт паломничества и – некому. Это очень срочно, думаю, придётся лететь самолетом. Может, ты лучше меня продумаешь такое путешествие?

– Для ответа у меня мало исходных данных, – сразу ответил Джеф, внимательно глядя на него.

– Исходными данными я тебя снабжу в избытке, – засмеялся Тед, что совсем не спрятало его озабоченности. – Подожди только.

Они присели тут же, высчитывая, в какой день будет поклонение в храме и когда у Джефа дежурство. Джеф сходил в ризницу, чтобы сделать несколько звонков и вскоре вопрос был решён, а сроки поездки определены. Джефа не беспокоило мнение Николь – он знал его: первый звонок он сделал ей. Нельзя сказать, что такое известие её сильно обрадовало, но она сказала: "раз надо, то поезжай. Я тебя жду".

Вечером, вернувшись после мессы и обеда у Гордонов, один в своей квартире он шагал взад-вперед, засунув руки глубоко в карманы халата. Переворачивал в голове пласты тем для размышлений, подкинутых Теодором. Ну и задал задачку Тед. Любить сознательно весь мир? Разве ж это возможно?

2

Джеф приехал с Николь в храм после ланча. Ему еле удалось уломать её не провожать его в аэропорт – не хотелось, чтобы она возвращалась с вокзала одна, без него. Он привычно сидел (или стоял на коленях?) втиснувшись рядом с Николь на скамье и молча смотрел на алтарь, где отблёскивала золотистыми лучами круглая дарохранительница. Было странно смотреть на эту вещь.

Он честно прочитал все молитвы, которые знал. Потом ещё раз. Николь за всё это время рядом даже не пошевелилась. Потом он просто бездумно смотрел прямо на алтарь, так долго, что ему стало казаться, что весь алтарь со стоящей святыней на нём словно светится, а вокруг него сгустился, клубясь, странный мрак. Эта прозрачная тьма была подвижной, слегка фиолетового оттенка и напоминала своей нереальностью лёгкий туман. Но это была тьма. Словно налёт, напыление на реальность. И она была живой, весомой, колышущейся и вязкой. Она отступала, оставляя ореолом вокруг алтаря светлое пространство, расступалась, вернее, растворялась в его режущей яркости. Джефа охватило странное ощущение: было такое чувство, словно на него смотрит кто-то, огромный, доброжелательный. Смотрит с легкой улыбкой, пристально. И молчит.

И вдруг всё кончилось. Вернулся свет. Вернулись шорохи и шёпот в церкви.

Шевельнувшись рядом с Джефом Николь, посмотрела на него. Вопросительно и серьёзно. Значит, Господь дарует конкретного человека, чтобы выразить свою любовь ко мне, так, Тед?

Вскоребрякнул колокольчик, прошёл отец Вильгельм. Встав у алтаря на колени, он постоял некоторое время. Джеф думал, что он просто задумался и молится, но подошёл Теодор и аккуратно окутал плечи отца Вильгельма длинной широкой полосой ткани, украшенной поблёскивающей вышивкой. Отец Вильгельм стоял, склонив голову и в прозрачной тишине было слышнобряканье застёжки. Потом он медленно поднялся, обошёл алтарь, чтобы быть лицом к людям, поднял обеими руками, обернутыми полами накидки, дарохранительницу и перекрестил всех молящихся. И ушёл. И унёс с собой это ощущение.

– Зачем он руки завернул? – Тихо спросил у Николь Джеф.

Николь вздохнула, словно оторвалась от трудного дела, выпрямилась, оглядывая храм и ответила:

– В знак того, что не он, а сам Христос благословляет нас.

– Пойдем перейдем вперед? – Предложил тихонько Джеф, устав стоять на коленях в тесноте.

Да, со скамьями тут явно дело худо обстоит. Ладно, сам Джеф: у него всего лишь рост вкупе с длинными ногами, а что делать тем, масса которых не позволяет пролезть на скамейку, а стеснительность не позволяет пройти вперед, туда, поближе к алтарю? Там ноги есть где поставить, только на колени приходится вставать прямо на пол, а не на деревянную подставку. Там обычно Стив устраивается – ему плевать на стеснительность, лишь бы места было много. Смешно, кстати, Стив тоже стал сюда по воскресеньям ходить. Вспомнил свои католические корни, что ли? Или просто понравилось?

Николь молча поднялась и перешла вслед за ним туда, где ему удобнее.

– Давай вообще здесь всё время сидеть? – Предложила она.

Джеф только кивнул, блаженно расставив ноги и удобно опираясь о колени локтями. Вскоре пришёл Теодор и принёс с собой объёмный рюкзак. Он бережно поставил его на скамью и сел рядом с Джефом. Оглядел их обоих.

– Когда ты едешь? – Спросил он.

– Сейчас, – сказал Джеф.

Показал глазами Теодору на Николь. Тот кивнул, едва заметно. Джеф осторожно взял руку Николь, перебирая её пальцы и чувствуя их холод и поцеловал их. Николь тихо всхлип-

нула. Рванулась к нему, как только он шевельнулся, прижалась, уткнувшись лицом в его щеку и вся дрожа. Шепнула еле слышно:

– Возвращайся скорее. Я тебя жду.

– Жди, – согласился, тоже тихонько, Джеф. Он никогда не знал, что ему нужно ответить на такую оголённую фразу. – Мне так легче. И береги себя.

Теодор помог ему надеть на плечи неудобный рюкзак. Джефа поразила невесомая нежность его ноши. словно за спиной у него лежит в рюкзаке пара крыльев, и она чуть-чуть приподнимает его над полом. Николь, не шевелясь, сидела и смотрела, как он одевается. Бледная, с дрожащими губами, вцепившись в скамью. Джеф наклонился к ней, осторожно взял её лицо в ладони, поцеловал, шепнув сорвавшимся голосом:

– Я люблю тебя, помни.

Он ушёл, Николь осталась, ломая себе пальцы и кусая губы от отчаяния. Отец Теодор отвёл её наверх, где она могла выплакать ему свои слёзы. Она даже не рискнула просить Марину отпустить её с Джефом, так же, как не рисковала просить остаться у него иногда. Это было вне пределов дозволенного, даже Мариной. Там, наверху, в комнате с голыми стенами она могла реветь при отце Теодоре не стесняясь и не боясь кого-либо потревожить, пока не устанет. Тед гладил её по голове, обнимая сотрясающиеся плечи, шептал что-то успокоительное. Но слёзы так долго текли и текли, и рыдания никак не стихали. Наконец, когда она просто устала, отец спросил:

– Ну, что так тебя расстраивает?

– А вдруг он не вернётся? – Шепнула совсем охрипшая от рыданий Николь.

– Так ты молись, не теряя время на слёзы, – посоветовал он.

– Не могу, – покачала она головой. – Со мной что-то случилось. Когда мне плохо, я не молюсь. Я честно пытаюсь отдать Богу свою боль. Я тогда чувствую Его, как Он велик, Он смотрит на меня так ласково! Он так хочет мне помочь, разделить мою боль, я чувствую это. У Него получается, но Он такой огромный и моя боль так похожа на боль других, и она заполняет Его вместе с болью других, и Ему так больно, что мне становится ещё хуже, это всё переполняет меня. И потому – и не плакать не получается, и молиться не получается. Я просто сижу и ощущаю, как вся эта боль и моя, и Его пропитывает меня. И это страшно. Раньше я была этому рада. Заполниться вот так и умереть. А сейчас мне так страшно! Если я заполнюсь и умру, в мире станет только больше боли: потому, что Джеф... и мама, бабушка с дедом... и даже папа... они... Я не хочу заполниться вот так сейчас, я не могу так заполняться, это несправедливо.

– Это нормально. Справедливость такое скрытное от людей понятие, её человек со своей точки зрения часто просто не видит. Не говори мне о несправедливости Бога, это чушь. Если бы Господь пожелал отнять у тебя Джефа, он сделал бы это в любой момент. Но только Он может помочь тебе принять такое. Лучше поразмысли, чему Бог хочет научить тебя во время этой разлуки? И, может, эта духовная поездка полезна для Джефа в плане его роста?

Николь молча хмуро смотрела на него. Вдохнула.

Теодор предложил:

– Хочешь, будем молиться вместе?

Через час Джеф стоял у девятого выхода на собственном вокзале. Было странно оглядывать такое знакомое пространство и ждать вылета. Старый друг – знакомый фикус под эскалатором привычно шевелил в потоке кондиционированного воздуха своими зелёными пальцами: вентилятор расположился как раз над ним. Джеф смотрел вокруг и изумлялся: какая грандиозная работа прошла в его душе с осени и как за прошедшие три месяца всё изменилось. словно это и не он стоит здесь.

Ему вдруг пришла в голову мысль из каких-то философских течений: а что если это – правда и в самом деле существует наложение реальностей. И он просто, сам того не осознавая,

небритый в своей трехдневной одежде, полулежит сейчас на полу под фикусом, разглядывая пачки из-под сигарет, обертки и разный мусор, который ленивые граждане так любят закидывать в малоудобные для чистки места. Валяется себе вальяжно, опираясь локтями о заплёванный пол и размышляет, сколько минут ему нужно, чтобы найти чистую сорочку в его чисто-плюйском особняке, чтобы не сваливать со своего уютного местечка ещё хоть с полчаса.

Картинка была настолько яркой, что Джеф вздрогнул и невольно оглядел себя. Да ну, быть того не может! И что, вокруг грязь, в душе грязь, и никакого просвета в будущем, потому, что будущего попросту нет? Ни спокойствия, ни Ники!? Нет. Даже если и так, то пусть лучше сознание останется в реальности Николь, чем в его собственной.

Он, не глядя больше по сторонам, сунул куртку в сумку, двинулся на регистрацию. Прошёл досмотр, правда пришлось извлекать всё из карманов куртки. Ребята ищут металл, и застёжка портмоне сыграла с Джефом злую шутку. Переход кафельный и скользкий, с наклонным полом, напомнил ему госпиталь. Он окинул взглядом своих попутчиков. Странно.

Куда едут все эти люди? Почему они не хотят спокойно жить в своих домах, наслаждаться солнцем и работой? А ты сам Джеф? Какая нелёгкая тебя понесла с невесомым рюкзаком за плечами за границу, оставив дома Николь одну? "Это же ненадолго" – сказал себе Джеф. Это было нужно. "Да брось" – сказал себе Джеф. "Твоё непомерное чувство ответственности тебя добьёт". Действительно. Интересно, что он согласился ехать в "Не понять куда". "Если бы я отказался, Николь бы обиделась на меня" – подумал он. "Ерунда" – тут же скептически заявил сам себе Джеф. – "ты мог ничего не говорить Николь о том, что нужно перевезти мощи её любимой святой". Нет, не получилось бы. Николь всё равно бы угадала, что есть что-то, чего она не знает. "Вот-вот" – поиздевался над собой Джеф. "Всё твоё чувство долга объясняется страхом. Ты боишься говорить с людьми. Ты боишься, что Николь не понравится твой отказ отвезти мощи. Ты боишься, что если проворонишь сигнал на локаторе или вовремя не скажешь пилоту нужную информацию, случится ЧП и тебя посадят. Ты боишься, что кто-то капнет на тебя в полицию за связь с Николь, и ты попадёшь под суд". "Вся твоя жизнь – один сплошной страх, самодостаточный Джеф Коган". Тьфу. Как там у классиков: всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно, так?

Те, кто уже закончил регистрацию, могли пройти на свои места. Джеф окинул взглядом лётное поле и, не раздумывая, пошёл вперёд. Почему-то казалось – раньше сядешь, раньше выйдешь. Полновесная иллюзия. Самолёт всё равно взлетит по расписанию.

Он вдруг подумал, что, возможно, это тоже испытание. А возможно, это ему знак того, насколько он изменился. Ведь десять, пять, да что там – ещё года два назад он не смог бы спокойно сесть в самолёт. Его бы просто трясло. Вовсе не потому, что страшно. Просто – больно. Немыслимое испытание, когда израненная душа наблюдает за собой: как она сама корчится, если любая мелочь напоминает о прошлом, обжигает и мучит. А теперь он готов к этому экзамену на стойкость. Николь помогла ему.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть, как знакомо убегает вниз земля.

Джеф. Ты просто мечтатель. Переборки немного подрагивали от сотрясения. Давно забытое ощущение внутри – сладость взлёта. Какие к чёрту наслаждения реальностей! Пусть этим развлекаются те, кто хочет заниматься любым видом самообмана. Он ни за что на свете не пошёл бы напрашиваться к экипажу в зрители на взлёт или посадку, что бы снова вообразить себя за штурвалом! Болтающийся за спиной любопытствующий – что может быть хуже?

Джеф поёрзал на сиденье, устраиваясь поудобнее. Спать не хотелось, хотелось увидеть Николь. Перед его отъездом она очень нервничала, он ясно это ощущал. Каждый её жест выдавал это отчаянное беспокойство. Она оглядывала Джефа с таким выражением, словно он сказал, что собрался обойти все казино в Лас-Вегасе. Джеф пытался ей объяснить: всё в порядке, убеждая её в том, что всё его путешествие займёт, в общей сложности, часов восемь. Переночует там и завтра во второй половине дня будет дома. Николь соглашалась, даже улыбалась,

но глаза оставались тревожными, ищущими. Она гладила его по голове, по лицу такими движениями, что ему становилось холодно где-то внутри и начинали подрагивать пальцы. Что бы он ни говорил, какие аргументы бы он не использовал, для неё это обозначало только одно: РАЗЛУКА.

Джеф склонялся к ней, успокаивая её губами, но Николь ещё больше нервничала. И сейчас это вселяло тревогу. Казалось бы, чего беспокоиться?

Николь дома, с родителями, и вместе с тем его тревога терзала сейчас ничуть не меньше, чем её. Джеф сунул руку в карман, нащупал маленькие бусинки чётков. Сама же сказала, что молитва успокаивает. А вместе с ним не молилась. Хотя сегодня утром пришла на утреннюю мессу, сопровождая Марину. Джеф был тронут таким знаком внимания. Потом она с сожалением отправилась в школу. После болезни у Николь появилась новая черта: она перестала прогуливать. Это его и радовало, и удивляло. Радовало потому, что он был доволен, когда у неё всё было хорошо. А удивляло потому, что ему опять казалось: он где-то что-то просмотрел в её умозаключениях.

Вскоре он болтался в тряском автобусе: какой смысл арендовать машину, если всё равно не знаешь куда ехать? Картой пользоваться не хотелось, хотелось подумать. А автобус идёт прямо до места. Поглядывал на обочины дороги, изумляясь. Как же это так? Всего несколько часов по воздуху, и ты попадаешь в другой мир.

Подумать не получилось.

Он, поражённый, взирал на эту великую разницу. Давно он никуда не выезжал: удивляет отличающееся, от привычного ему, окружающее пространство. Панельные трехэтажные дома, желтовато-коричневый, унылый пейзаж, словно выжженный солнцем. Худые чахлики по краям дороги, не дающие не то что самой тени, а даже и намёка на невидимую тень, покрытые серой пылью, жалкие и печальные. Не особенно чистое автобусное стекло с ветвящейся длинной трещиной посередине, подрагивает в металлических сочленениях, потому, что придерживающая его резина давно высыпалась отсюда.

Почему здесь вдоль дороги столько мусора? Какие-то пустые пакеты, бутылки, банки, бумаги, коробки. Когда автобус огибал аэропорт, Джефу было видно местную "башню" и ему вдруг захотелось туда попасть. Посмотреть, как там работает народ. Он, морщась, прижал стекло пальцем: до того надоело его дребезжание, особенно усиливающееся на погрешностях асфальта и грунтовых участках. Так и кажется – вот стекло, наконец, треснет до конца и вывалится. Ветер медленно кружил тучи пыли, заставляя жмурить глаза прохожих и нещадно трепля их одежду. Тоненько пищал, проникая в щелястые окна. Лучи солнца ярко выделялись в пылевой взвеси на резиновом автобусном полу. Чем тут приходится дышать? Джеф вскидывал глаза на своих невольных сострадателей. Они ехали. Не обращая внимания на такие мелочи. Не переживая о ветре. Не глядя по сторонам. Видимо, следовали старой истине: лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Когда ему объясняли дорогу, говорили: "О, это недалеко! Совсем рядом. Всего несколько остановок". О, эти испанские восторги!: судя по длине перегонов, Джеф смог понять, что здесь в иных случаях действительно – уж лучше плохо ехать. Он пожалел, что не взял напрокат машину. Тогда у него был бы воздух. Не совсем же он неграмотный, разобрался бы в карте как-нибудь. И тут же ему стало ясно, почему он не взял машину. Ники сравнила его путешествие с паломничеством. Все её рассказы о паломничествах сводились к простой истине: паломничество – это не просто передвижение к какому-то священному месту для поклонения. Паломничество – добровольное лишение себя каких-то удобств ради более высокой цели, жертва. Ему просто хотелось понять её, нужно было почувствовать на собственной шкуре, что она имела в виду. Странное ощущение. К лишениям Джеф привык, и они его ничуть не смущали. Но определить ЦЕЛЬ оказалось непросто. Он мог принять как цель стремление помочь конкретному

Теду. Но воспринимать как цель своё собственное духовное возрастание – нет. Что за чушь? Ради чего? Вот она, проблема любви к себе и людям, так и высовывается из каждой ситуации.

Он отбросил на некоторое время эти размышления, отдавшись созерцанию этих самых людей вокруг. Больше всего его поражали дети. Шустрые, маленькие, чёрные от солнца, худые и неуловимые – они так и притягивали взгляд. Напротив него сидел отец, с девочкой на коленях. Джеф понятия не имел, сколько ей было лет. Вот в чём он не разбирался совершенно, так это в детском возрасте. Малышка соскочила с колен, отец позвал её, она вернулась. Когда отец пытался её водворить на свои колени назад, она уворачивалась и смеялась. Автобус покачивался, и девочка покачивалась тоже. Однажды она едва не упала, но Джеф поймал её, поскольку она была близко к нему, чем заслужил доброжелательный взгляд её отца. Она всё прыгала и смеялась, и так-таки шлёпнулась, упрыгав в конец салона. Отец окликнул её и, когда она пришла, рыдая, вытер ей глаза, может чуть грубовато, но достаточно нежно. Нельзя сказать, что его платок был снежно бел, но всё же почти чистый.

Закончилась эта маленькая сценка разговорами. Они, дружно устроившись друг против друга, беседовали на такой тарабарщине, которую Джеф понять со своими ещё школьными знаниями был просто не в состоянии. Человек был без руки и обнимал прыгающую на его коленях девочку и весело смеялся, когда она попадала малюсеньким пальцем ему в нос. Нельзя сказать, что этот человек был очень молод, рядом сидела его жена с усталым и грустным лицом. Но девочка была весела, хоть и худовата. Впрочем, сколько ни оглядывал Джеф людей, попадающих в поле его зрения, он не видел здесь толстых в таком количестве как дома. Наверное, тут таких не было вообще. Судя по выжженной растительности, тут тает всё, что угодно – под непримиримым солнцем.

Попетляв по узким улицам небольшого города, автобус выбрался на площадь перед храмом и Джеф вышел, вместе с толпой пропылённых людей. Он чувствовал себя вдвое тяжелее от той ноши которая осела на нём за время этого путешествия. Закатное солнце смягчило дневную жару, но всё равно ему показалось, что он по ошибке вместо того, чтобы выйти на улицу, залез прямо в печь огромного пирожника. Приближалась ночь. И его путешествие было закончено, и можно было бы отправиться домой, но разве из этой тьмутаракани выберешься тогда, когда захочешь. Придётся смиренно сидеть и ждать, когда будет рейс обратно. Стюардесса, на карточке которой было написано Джейн, сказала ему что он с ними же полетит назад. Оказывается, она знала и его, и Нору, и Стива.

Ну, Нору – понятно, у Норы были довольно обширные связи среди стюардов и лётчиков. Она со своей профессиональной памятью знала почти все экипажи. А поскольку их вокзал не так уж и велик, экипажи вполне можно было и запомнить. Но то, что одна из стюардесс знает кого-то из диспетчеров, обозначало только одно: они пересекались где-то на вечеринках, устраиваемых на вокзале. И, видимо, пересекались давно – он уже невесть сколько лет не ходил на вокзальные вечеринки. Джеф её вспомнить совершенно не мог. Промолчал об этом, чтобы не портить ей настроения на работе. Она была мила и вежлива, ей было приятно увидеть в салоне знакомое лицо, тем более, что хлопот Джеф не доставлял.

Он прошёл в широченную классическую дверь, скорее напоминавшую ворота и привычно встал на правое колено. Неподалеку от алтаря сидел прижавшись спиной к стене человек в альбе. На шум шагов он неторопливо повернул голову. Джеф поднялся и двинулся к нему.

Это был странный вечер. Священники, их было двое: отец Хуан и отец Джозеф, пригласили его на ужин, состоящий из бобового супа и паровой рыбы. Интересно было смотреть на них. Чем-то это напоминало общение отца Вильгельма, Теодора, Франциска и Рея. Но всё более степенно, возможно потому, что тут священники были старше. Они из уважения к Джефу перешли с родного языка на английский. Ужин был после вечерней мессы и затянулся: оказалось, есть немало тем, на которые можно было поговорить после обстоятельного знакомства.

Его не спросили крещён ли он, не спросили, как он пришёл к Богу, наверное, это подразумевалось: раз он сидит с ними тут, то он свой. Поинтересовались, чем он занимается в жизни и когда Джеф сообщил, что он бывший лётчик, сказали: "О"! Здесь это большая редкость: такое образование стоит дорого. Спросили о жене и детях, на что пришлось ответить, что его невеста слишком молода и приходится по закону откладывать свадьбу. Это вызвало поощрительный смех и предложение приехать сюда совсем. "Здесь нет таких невероятных ограничений" – сказали ему. А что, это была дельная мысль. Джефу было хорошо тут, с ними. Хотя иногда они срывались на свой испанский, да и он сам тоже, но даже ни акцент, ни неправильное построение фраз не мешали им понимать друг друга.

Его проводили в одну из комнат, как он понял, кто-то из священников предоставил ему свою постель. Джеф, даже не успев оглядеться, рухнул на жёсткую кровать и уснул. Как ни странно, ночью он замёрз и проснулся от холода. В окно светила здоровенная луна: неумолимо приближалось полнолуние. Включив свет, он огляделся в поисках одеяла, но его нигде не было. Что ж, спартанскими условиями его не удивишь. Джеф снова вытянулся под тонкой простыней и задумался. Да. Приходилось смириться с тем, что он оказался не так силён, как думал раньше. Не так стоек и не так самодостаточен. Без Николь ему теперь не прожить. И даже не потому, что он стал зависим от неё, а просто потому, что воздух без неё не приносил свежести, еда без неё не насыщала и отдых без неё был не отдых, а краткие провалы в сон.

Ничего не помогало. Ни самоуговоры, ни массаж, которому он научил Николь. Расслабляющий массаж – хорошая штука. У Николь хорошо получалось и Джеф иногда после работы, засыпал наполненный блаженством тактильного обмана. Николь перестала бояться его. Перестала стесняться своего тела. Джеф старался делать всё цивилизованно, он не учил её сексуальному массажу и не пытался предложить ей раздеться для массажа совсем. Ему и так было достаточно того, что он видел.

Пока она была больна, он почти изучил на взгляд её тело. Теперь, едва он закрывал глаза, он видел Николь. И некуда было деться от осознания своих желаний. Как там советовал Тед? Примириться и отдать Богу? Значит, осталась только молитва. Что, попробуем это средство? Присутствие Николь его однозначно вынуждало молиться.

Именно вынуждало, иначе не скажешь, хотя она вовсе не настаивала на совместной молитве. Она читала молитву перед едой. Она молилась, когда садилась в машину, она молилась, если просыпалась среди дня, когда случалось заснуть за компанию с Джефом. Она молилась перед сном – это он знал точно. Она сама ему говорила и её практику молитвы Джеф с изумлением наблюдал в госпитале, когда она, едва дыша, одними губами говорила молитву. Она не стеснялась, но и не была навязчивой в этом своём проявлении. Как у неё так получалось? Это его поражало. Сам Джеф так не умел. Он прислушивался к высказываниям священников, к словам Николь и ему казалось, что все вокруг только и говорят, что молитва творит чудеса. Это было не ясно. Он получил своё чудо, получил его не молясь и вообще не задумываясь о Боге в то время. Вера Николь просто помогла ему осознать присутствие этого чуда в своей жизни. Иногда ему даже казалось, что развитие отношений с Николь приведёт к преуменьшению этого чуда, к его растворению в суете жизни. Оставалось только благодарить. И молиться, чтобы и дальше было всё хорошо. Но Джеф признавался сам себе не раз, что с молитвой у него явные проблемы. Ладно, он может легко прочесть десятку Розария, наткнувшись на чётки в кармане. Ладно, если он над стандартным ланчем или во время обеда в "башне" вспомнит, что перед едой надо молиться. Хорошо, "Отче наш" и "Радуйся" среди дня. Ну, может быть даже вечером, размышляя о Николь, он вдруг прочтет молитву, что бы таким образом приблизиться к далёкой Николь, когда её нет рядом. Но утром молиться он себя не мог заставить. Когда он подскакивал на кровати, с досадой обнаруживая, что до рассвета ещё минимум два часа, его мысли были далеки от молитвы, и он вспоминал о ней, где-нибудь в разгаре утра, догоняя время после надоевших пробок. Если же его после дежурства поднимало пробуждение поздно,

полного ленивой неги и осознания удовольствия, предоставляемого свободным временем, то молитва тоже вспоминалась лишь, когда надо было ехать за Николь. Похоже, если для Николь молитва была необходима, как дыхание, то для Джефа она просто сокращала время в дороге.

Молитвы Николь его притягивали. Она умела так подобрать слова, что просто словно встряхивала его. Использовала такие выражения, которые всегда задевали его за живое. Часто её молитвы были скорее похожи не на молитвы, а на афоризмы великих людей. Это было интересно. Классические же молитвы казались ему неудобоваримыми, длинными и наводили на него скуку. Единственное, что его устраивало в Розарии, который он читал в дороге, так это его универсальная организация. Джеф быстро выяснил, что у него уходит на прочтение "Отче наш" шестнадцать секунд, на «Радуйся Мария» четырнадцать, то есть одна десятка Розария занимает две минуты и пятьдесят четыре секунды по времени. "Верую" в сознании Джефа преломлялась в сорок две секунды и, если говорить "Славу" медленно, то, примерно по секунде на два слова, получалось шесть секунд. Поэтому на Розарий без долгих размышлений Джеф тратил восемнадцать минут. Наверное, такой подход к молитве был несколько специфичен, но по Розарию легко было ориентироваться во времени, чтобы не смотреть на часы. Одного Розария, прочитанного полностью ему хватало на дорогу от особняка до аэропорта и оставалось почти четыре минуты, чтобы загнать машину на стоянку. Только вот проблема: в "башню" он выезжал не каждый день. А теперь и время будет другим: квартира дальше особняка.

Вот и сейчас, глядя на луну, Джеф медленно читал про себя цепочки, состоящие из десятков Розария и ждал. Когда придёт утро. Когда можно будет сесть в автобус, укатить в аэропорт и вылететь. Когда можно будет увидеть Николь.

Сейчас она смотрела на своих одноклассников с изумлением. Это надо же, какие глупые дети. Их интересовали совершенно несерьёзные вещи, и они уделяли им такую массу внимания, что Николь даже не пыталась их понять. Это были просто настоящие наивные щенки, которые видят мир совсем не таким, какой он есть, а таким, каким хотят его видеть сами. И при этом так комично убеждены в своей правоте. Слушая их разговоры на переменах, она только чуть покачивала головой: как можно придавать такое огромное значение столь незначительным вещам? Её саму заботили куда более важные дела: например, как порадовать Джефа?

Она вдруг начала осознавать всю глубину беспокойства Марины о её учебе, хотя и вовсе не потому, что повзрослела или изменила своё мировоззрение. Как ни странно, на это подтолкнула её маленькая мысль, подсказанная когда-то Джефом: её будет держать образование. Школа – её хвост. Она привязывает Николь к детству. Пока у неё нет образования, она ребёнок в глазах любого абстрактного человека. А от детства ей совершенно необходимо было избавиться и быстрее.

Николь с великолепной скоростью подчистила все свои долги по темам, какие только обнаружились, чем совершенно вогнала в ступор классную даму. При этом оказалось, такое положение вещей и её саму устраивало больше: осознание, что у неё всё в порядке поражало Николь ощущением удовольствия. Она с невероятным упорством, удивляясь сама, старательно записывала все лекции, складывая дома тетради по предметам. Для Николь оказалось настоящим откровением, что её некоторые преподаватели просто обожают свои собственные, записанные красиво и аккуратно, выкладки на определенные темы и с поощрительными улыбками щедро добавляют за лекции невероятное количество баллов при тестировании. Она с восторгом поделилась этим открытием с Джефом, насмешив его до слёз. Конечно, худшая сторона и здесь нашлась: потерялась часть свободного времени, которое можно было провести с Джефом, но теперь даже и это её не пугало. Напротив. Создавало иллюзию занятости. Может, для самооправдания, а может, для оправдания поведения Джефа.

Ей казалось, что после госпиталя её отношения с Джефом зашли в какой-то тупик. Джеф был весь перед ней, как на ладони, она знала его ощущения, его желания, его чувства. И она

знала: пожелай она и Джеф на её ладони сделает для её всё, чего она только захочет и выполнит даже её невысказанные желания. И это загоняло её в "режим ожидания", как выражался Джеф. Желаний было так много, что она не могла их хоть как-то систематизировать. Её мучило нетерпение, как пилота, у которого ещё далеко очередь на посадку или, наоборот, неожиданно задержали вылет. С одной стороны, ей было хорошо в его обществе: она просто страдала, когда находилась по какой-то причине одна, без него. С другой стороны, Николь чувствовала свои обязательства перед ним. И это смущало её, поскольку она не могла чётко охарактеризовать своё отношение к собственным обещаниям. Страшно хотелось преодолеть эту дрожь или избавиться от обоих ощущений, или объединить их, чтобы было легче.

Джеф никогда её ни о чём не просил. Он всегда справлялся с любой проблемой сам. И это тоже было странно неприятно, словно он не нуждался в ней. Она видела, как он рад ей, когда они встречаются, но потом его словно охватывало напряжение. Иногда, посреди какой-нибудь интересной болтовни он вдруг замолкал, резко менял тему, начинал делать что-то такое, что раньше они делать не собирались и Николь терялась в догадках, какая ассоциация в разговоре, активизировала его неуловимость.

Иногда, когда он, уставший, засыпал после работы, Николь устраивалась рядом с ним. Проснувшись, она чувствовала его неподвижную напряжённость, смутное подрагивание внутри Джефа, ощущавшееся, если приложить к нему руку. Это было непонятно. Спрашивать Джефа, что с ним, было бесполезно, она в ответ неизменно получала: "всё хорошо", или "всё в порядке" с разными вариациями и огромное количество информации, которая для неё ничего не проясняла. Можно было попробовать спросить маму, но не хотелось. Было просто неприятно, что кто-то станет рассуждать о их с Джефом отношениях, даже мама. Она и Нору спросить об этом не могла: Нора расскажет Стиву. Стив ещё брякнет Джефу, нет!

Дни адвента летели один за одним, наполненные наблюдениями, сомнениями и учёбой для Николь.

Джеф был всё время занят: то переездом, то его загружали чем-то ребята, то он писал статьи или рефераты для Николь, если она не успевала. Ей казалось, что сама жизнь своей каждодневной суетой осторожно растаскивает их с Джефом чуть ли не на разные полюсы Земли. Это тем более тяжело было выдержать после целого, совместно проведённого, месяца в госпитале. Там ни работа, ни люди не отнимали Джефа у неё.

Их обоюдная открытость не исчезла. Если Николь спрашивала Джефа что с ним, он честно описывал своё состояние, погрязая в подробностях: жарко, тяжело дышать, голова как ватная, есть желание чего-нибудь попить, хочется движения. Всё это обозначало только одно – он хотел уйти от ответа. Сохранить что-то в тайне от неё, не признаваться в истинной причине своего напряжения. Случайную подсказку для понимания поведения Джефа она нашла в рассказе Лоры, когда та жаловалась, что иногда Джеф отчитывается, как именно он побрил правую щеку, сколько секунд завязывал галстук или потратил на шнуровку ботинок, на сколько кусочков порезал три картофелины для пюре. Лора сказала, что единственное, что она тогда может сделать – это бросить трубку и перезвонить Майку, чтобы узнать, как в действительности дела у Джефа. И добавила при этом:

– Как ты только его терпишь, этого неуловимого сухаря?

Он ничуть не казался Николь сухарём. Напротив, с ним всегда было интересно. Он был очень мягким в обращении с ней, ласковым и весёлым. Нельзя, правда, сказать, что при этом он позволял делать всё. Нет, кто-кто, а Джеф-то уж точно мог выразить такое неудовольствие одним взглядом, что тут же отпадало желание делать то, что им не поощрялось. Точно так же он умел настоять на том, что, как он считал, должно быть сделано. Обычно это касалось каких-то дел внешнего мира. Но здесь, у них внутри, был словно аквариум нежности. И Николь плавая в нём, чувствовала себя прекрасно, даже при всём своём беспокойстве.

Она не умела с такой чёткостью давать определения своим собственным ощущениям, как умел это Джеф и довольно часто на его вопросы отвечала просто: "не знаю". Проходило немало времени пока Джефу удавалось выяснить, какое внутреннее состояние вызвало ту или иную её реакцию. Но такие же беседы проводить с ним у Николь не получалось. Ей оставалось только наблюдать за ним и довольствоваться теми ответами, которые он ей давал. К счастью, ответы его всегда были откровенны. И Николь, размышляя, приходила к выводу, что сейчас их отношения не имеют продолжения, вернее, просто являются незавершёнными.

То духовное родство, присутствующее между ними, сближало их настолько, что это заставляло её ожидать подтверждения от Джефа, что он чувствует то же, что и она. Он молчал, хотя Николь ясно ощущала движения его души, пусть он ничего о них и не говорил. Её мучила потребность растворения в нём, а это было невозможно при его молчании. Ей уже было недостаточно его поцелуев, мало прикосновений во время массажа или, когда он держал её за руку. Ей хотелось, чтобы он обнял её и не отпускал. В сущности, Николь и сама не знала, чего бы ей хотелось. Это смутное неоформленное томление было на грани переносимости, просто так жизненноважно для неё было, чтобы он стал ещё ближе. Но как только появлялся намёк на такое сближение, Джеф сбегал. Он тут же неуловимо отдалялся, находил для них другие занятия. Николь это нервировало и злило.

Лёжа вечерами без сна на своей узенькой кровати в бывших когда-то уютными, дающих когда-то давно ощущение защищенности, а теперь пустых, стенах, Николь, вспоминая мелочи прошедшего дня и поведение Джефа, снова и снова просматривая их в сознании, приходила к мысли, что с ней что-то не так. Иногда хотелось просто разорвать этот круг, чтобы уничтожить дискомфорт, порождаемый отношением Джефа к ней. Ну, хоть перестать ездить к нему, что ли. Но это было выше её сил. Если она спрашивала его, как он к ней относится, Джеф говорил, что любит её. И она точно знала, что так оно и есть. Что он действительно любит её, что он умрёт ради того, чтобы с ней было всё в порядке. И вместе с тем не могла отделаться от подозрения, что Джеф неуловимо отталкивает её. После госпиталя у них почти не было времени просто посидеть и никуда не торопиться. Николь казалось, что они всё время по-отдельности. Если она приходила из школы усталая, она могла просто лечь и заснуть. Джеф, заваленный какой-то работой, был настолько занят, что у него не было возможности просто поваляться рядом с ней, бездумно нежась в лени.

Даже ритуал массажа он словно включил в расписание дня, выделив для этого определённые часы. Николь вообще казалось, что две недели перед Рождеством он рассчитал поминутно, с невероятной точностью, следуя какому-то своему графику, чтобы нигде не сбиться и ничего не упустить. Случалось, пару раз и так, что он убегал выполнять свои обязательства, оставляя её одну в квартире. Николь не роптала: их отношения достигли того уровня, когда бесполезно дуться друг на друга, просто надо высказывать своё мнение.

У неё было такое чувство, что жизнь несётся с невероятной скоростью, заполненная до отказа всеми этими обязательствами, встречами, лекциями, занятиями, школой, совместными обедами с родителями, необходимыми шахматами и прочей, на её взгляд, совсем неважной и даже глупой суетой. Ей казалось, что её жизнь теряет смысл, Дни мелькают, как кадры на экране и единственное, что давало хоть какую-то надежду – мысль о том, что всё это когда-то закончится. Может быть, потому она и не огорчалась с такой силой, с какой предавалась панике или слезам раньше: в ней жила уверенность: чем быстрее мелькают дни, тем быстрее весна. Восемнадцать лет. Окончание школы. Свобода. Возможность для неё поступить в колледж где-нибудь за границей. Бегство из этого мира, бегство от прежней жизни.

3

Когда её посетила Нора, чтобы посмотреть новую "берлогу" Джефа, Николь, привычно сервируя кофе, поинтересовалась:

– Ну, как?

Нора засмеялась, глядя на неё.

– Не ожидала. Красиво. Мне нравится. Непривычно только. Кто занимался дизайном?

– В основном Майк, под давлением пожеланий Джефа. Правда, он всегда спрашивал моё мнение.

– Джеф вроде говорил, что ему нельзя доверять? – Нора снова засмеялась. – Джеф с ним столько боролся. Впрочем, он со всеми боролся. Со Стивом, с Хартом, с самим собой. Я тоже раньше всё боролась, мы в этом с Джефом похожи. Правда, я боролась больше с друзьями Стива, чем с собой. Вся жизнь – сплошная борьба.

– А чего боролась-то?

– Я сначала со всеми без разбора боролась: я была жутко воинственная. Знаешь же, как люди смотрят на стюардессу частенько? Не с таким уж великим уважением, как хотелось бы. Меня эта спесь всегда возмущала до глубины души. Летишь, за тобой тут ухаживают: плед, напитки, ланч и на тебе: ты, при этом всем ещё и нос от человека воротишь, который твои же непромокаемые пакеты убирает. Многие считают: раз я плачу свои деньги, имею полное право вести себя как хочу. Ну и что с того, что ты оплачиваешь это внимание? Почему человек больше способен уважать любого чиновника, которому точно так же платит, но получает от него гораздо меньше, чем от стюардессы: ни в каком кабинете уж точно ни пледа, ни улыбки не дождешься! Причём, часто ведь это не только какие-то абстрактные люди, пассажиры, наземники или начальство, а, что самое обидное, твои же коллеги, которые вместе с тобой летают. Я раньше была просто одержима идеей доказать обратное. Странно, как я в своей воинственности вообще не потеряла работу. Было дело, меняла компании пару раз, но не представляю себе, как бы я бросила полёты. Я, как Джу -не могу. Наверное, это внутри что-то такое – призывает к воздуху и всё, как диагноз. У меня даже что-то вроде теории есть: я просто считаю, что все люди делятся на летающих и нелетающих. Это также, как кто-то может быть математиком, а кто-то – философом: просто мозги по-разному устроены. Я и Стива понять не могла: как это он смог перейти с неба на землю. Не скажу, что это было легко: только я и он сам знает, как ему это удалось. Я на себе это прочувствовала, когда ушла из авиации и жила на базе со Стивом. Долго не выдержала, вернулась назад. И потом, когда мальчишки родились, имела возможность проверить ещё, насколько правильно моё решение. Я бы так сказала: для меня это было просто вынужденное наземное существование. Думаю, я поэтому и понимала, как после ВВС Стиву трудно было войти в обычную жизнь. Он тогда куда деть себя не знал. У них у всех и увлечения тогда оформились поэкстремальнее: горные лыжи, ралли, прыжки с парашютом. Лыжи потом у Стива отошли на второй план, а парашют он так и не бросил. Говорит – лыжи опаснее, представь. Ездит иногда в клуб парашютистов, развлекается. Терпеть этого не могу. И все эти сомнительные посиделки... Этим клубным приятелям вечно полная дрянь в голову лезет. Единственный, пожалуй, с кем я не боролась из его друзей, это Джеф. Не знаю, он мне всегда нравился. Может, просто потому, что они дружат с трёх лет и представить их совершенно невозможно по отдельности. А может, потому, что Джеф самый цивилизованный. Всегда ведёт себя прилично, не говорит гадостей и всегда знает, когда надо уйти. С его посещениями я мирилась. Даже когда у него была целая проблема с выпивкой.

Это Николь удивило. Хотя Джеф сам говорил, что он знает, что такое алкоголь. Когда он её ругал за её переборы. И правда, почему она была уверена, что это ей поможет? Глупая.

– А в чём была проблема? – Спросила она Нору.

– Ну, может и не проблема, не знаю. Они иногда устраивали со Стивом пивные вечеринки. Джеф, кажется, одно время искренне полагал, что если очень много выпить, то можно забыть всё и будет весело, хорошо и спокойно. – Нора тихо засмеялась, поставила кофейную кружку на блюдо. – Только, по-моему, ему не нравилось, что при этом снижается контроль над собственным телом.

Николь встала, пошарила в поисках пакетика пирожных. Высыпала их в пирожницу, не раскладывая. Нора своя и так быстрее. Посмотрела, как Нора выцепляет одно пирожное, поглядывая на неё. Да, можно себе представить, как злило Джефа снижение контроля над собой. С этим утверждением она могла согласиться без оговорок: Джеф просто бесился, если не мог проконтролировать что-то в своей жизни. Оставалось только удивляться его терпимому отношению к всевозможным непредвиденным звонкам из "башни" и тем сюрпризам, которые ему подкидывала сама Николь. У него была целая система учёта подобных вещей, что Николь всегда смешило. Она опять устроилась на своём стуле. Поинтересовалась:

– Ну и как?

– Не знаю, спроси у него. Но через некоторое время он пить перестал вообще. Не то, чтобы он в рот, что называется, не берёт, но если у него есть выбор: пить или не пить и нет желания, он даже глотка не сделает. Собственно, проблема с академией была у них со Стивом у обоих. Но Джеф остыл к такому делу, а Стив до сих пор пиво любит. Может, с тех пор они его и нарекли бочонком? Растолстел, хомяк.

Николь засмеялась, увидев, как она состроила недовольную гримаску. Спросила, посерьёзнев:

– А почему ты боролась с друзьями Стива?

– Меня бесило, что он для них делает всё. Хотя друзей-то не так и много: Харт да Дик ещё. Кроме Джефа. Ну, своя их компания, диспетчерская, но диспетчеры не очень хорошо к лётчикам относятся. Как и все в аэропорту, собственно. А Стива, Джефа и Харта, объединяет их прошлое: академия, база, ВВС. От этого никуда не денешься, никуда не уйдёшь. И это, пусть и малоощутимо, но всё равно стоит между ними и группой, разъединяет. Хотя, в некоторой степени в то же время и объединяет.

– Это как? – Удивилась такому противоречию Николь.

Нора пожала плечами:

– Для многих, управляющих гражданской авиацией, люди из ВВС пилотами не являются. Их можно понять: главное в ВВС – выполнение задания. Главное в гражданской авиации: пассажир, сколько бы у тебя их ни было – пятьсот или один. В ВВС пилот должен выполнить свою задачу любой ценой, даже ценой собственной жизни, а в гражданской авиации пилот должен доставить пассажиров в заданную точку в добром здравии. Разница задач определяет психологию. Ты только представь: человек на базе решает интересные задачи: у него есть какой-то выбор при принятии решения и вдруг он оказывается в аэробусе, движущемся по заданному маршруту от одной точки до другой. Да он отчаянно скучает и тоскуя, сам называет себя воздушным извозчиком. После увольнения у Стива просто не было иных вариантов, как только пойти в наземники. Да и у Джефа тоже.

– Знаешь, мне кажется, что Джеф от меня сбегает, – неожиданно для себя сказала Николь.

Нора воззрилась на неё изумлённо.

– Как это "сбегает"?

– Ну, мы почти не остаёмся наедине. Всё время то приход, то какие-то встречи, то вечеринки. То работа, даже если и не дежурство, а если мы и дома, то тогда статьи или моя учеба.

– А ты надеялась, что Джеф только будет смиренно сидеть в кресле и смотреть на тебя и никуда не отойдёт? – Нора воззрилась на неё.

– Что-то вроде, – вздохнула Николь.

– Бесплезно. Выкинь это из головы, Ники. Ты и так добилась блестящих результатов от Джефа. Даже меня впечатляет то, что он согласен, чтобы тебя называли его невестой. Это ж старый холостяк! Ведь он последние восемь лет фактически жил один. Делал что хотел, никто не стеснял его свободы.

– Ну и я не стесняю, – пожалала плечами Николь.

– Нет, теперь уже стесняешь, поверь. Даже мысль о том, чтобы посоветоваться о планах на вечер для моего Стива, например, до сих пор непереносима. И это у Стива! У моего покладистого Стива – страх перед тем, что его свяжут узами нежелательных обещаний. Представляю, в каких тисках должен чувствовать себя наш непредсказуемый Джеф.

Это Джеф-то – непредсказуемый?! Да большего прагматика она в жизни не встречала! У него всё всегда распланировано до мелочей. Разложено по полочкам и подчинено какому-то, никому не известному кроме него, расписанию, всегда присутствует какая-то невидимая и непонятная, но очевидная для него план-схема. И настолько все варианты просчитаны, что любое непредвиденное нарушение планов его даже не смущает. Как он сам говорит: "и плюс скидка на случайное событие".

Нора просто шутит.

– Ты хочешь сказать, что я слишком навязчива? – Огорчённо смотрела на неё Николь.

– Ты не навязчива, – засмеялась Нора. – Ты просто истинная женщина. Думаешь, по мнению Стива, я не навязчива? Нет, наверное, в этих вопросах женщины никогда не поймут мужчин.

– Ну и что же делать?

– Радоваться тому, что имеешь и примириться с тем, что твоя власть не всеобъемлюща.

– Легко тебе говорить. Попробуй, сделай, – вздохнула Николь.

– А чем, ты думаешь, я занимаюсь все годы супружеской жизни? – Усмехнулась в ответ Нора.

– Знаешь, что для меня труднее всего? – Задумчиво призналась Николь. – Соответствовать ему. Он такой серьёзный, такой умный, такой взрослый, я сама себе рядом с ним кажусь глупой девчонкой. Трачу массу времени на то, чтобы выглядеть старше, слежу за своей физиономией, чтобы по ней невозможно было догадаться что я думаю или сколько мне лет. Скажи, у меня сильно детский вид?

– С чего ты взяла? – Изумилась Нора. – Но я тебя понимаю. Вообще, когда я тебя увидела впервые, я подумала, что ты девчонка совсем. Но понятие "девчонка" – вовсе не возрастное. Психологическое. Оно может растягиваться от школьного возраста и до пятидесяти лет. Это всего лишь обозначение несерьёзной безответственности. Когда я так о тебе подумала, последнее, что могло прийти мне в голову – это прикинуть твой возраст. Он, конечно, вылезит, твой возраст, но только когда ты надеваешь свою школьную форму. А если ты одета в платье или костюм – никто не сочтёт, что ты ребёнок. Поверь. Есть такие лица, знаешь, взрослые с детства. Как у тебя.

Она чуть улыбнулась, посмотрев на Николь. И Николь улыбнулась в ответ кончиками губ, размышляя, комплимент ли это. Она ничего не прояснила для себя совершенно, но стало почему-то легче. Они дружно посидели ещё немного, потом Николь предложила:

– Пойдём танцевать.

И потянула её за собой в гостиную, нещадно протаскивая её по коридору. Там Нора растерянно смотрела, как она включает там Джефову "квадратуру", наполняя пространство тяжестью металла, как то ли танцует, то ли занимается аэробикой. Она некоторое время ошеломлённо сопровождала взглядом движения Николь, но сама не делала даже попытки сдвинуться с места.

– Ну давай же, Нора, да оторвись ты немного! Что ты такая зажатая? – Посмеивалась Николь, пытаясь её растормошить. – Это нетрудно. Зато хорошо расслабляет.

– Да не могу я так быстро! – Жаловалась было Нора.

Николь, отмахнувшись, подтянула её за руку поближе к себе и легонько покрутила в разные стороны, заставляя пошевелиться. Нора, такая маленькая по сравнению с ней, показалась просто игрушечной и Николь почувствовала себя великаншей, вынуждая её бегать и подпрыгивать. Наконец, Нора не вытерпела и рассмеялась.

– Где быстро? – приподнимая брови, поинтересовалась Николь. – Нужно просто почувствовать напряжение ритма, тут не скорость нужна, а твои эмоции. Просто ощути, как внутри тебя движется музыка, плыви в ней.

С Норой заниматься тенсигрити оказалось веселее, чем одной. Николь отчаянно скучала, когда Джеф был занят. Его гимнастика так плотно вошла в её жизнь, что Николь научилась поднимать себе настроение с помощью прежних уроков Джефа. Но одной заниматься просто неинтересно. Николь не собиралась Нору чему-то учить. Просто сейчас её внутренний дискомфорт требовал сброса. И лучше, чем под музыку это было не сделать.

Нора рассматривала то, что она делает почти с изумлением. Она честно старалась не отставать от Николь, танцевала и танцевала неплохо, но Николь, сама не замечая этого, все время сбивалась на ритуальные движения. Они её успокаивали. И именно это успокоение так удивляло Нору. Её напряжённость тем больше росла, чем спокойнее становилась Николь. Николь присмотрелась к её растерянности.

– Я тебя что, шокирую? – Спросила она нервничающую Нору.

– Не нравится мне такая тяжелятина. И танцуешь ты странно. Это и танец и нет: не совсем эстетично, но призывно, надо признаться.

Николь понимала её. Трудно к таким вещам отнестись без опаски впервые.

Потом вспомнила, как она первый раз увидела работу Джефа. Засмеялась над своим прежним смущением. Легко погладила Нору по плечу. Бедная, Стив тоже иногда бывает таким занудой. Значит, Норе расслабиться трудно. Надо будет ещё когда-нибудь с ней так попрыгать.

– Ну и пусть не нравится, пусть призывно, никого же нет. Ты просто проникнись этой твёрдостью ритма. Я же тебе не об эстетике толкую. Раскрепостись ты.

Вскоре у них стало получаться вполне слаженно. Нора неплохо вжилась в деятельное ощущение такой разрядки, вдохновения только не хватало.

– Надо было заняться этим до кофе, – выдохнула она, когда они закончили.

– Идея в голову не пришла, – с согласным покаянием откликнулась Николь

Предрождественский день начался для Джефа задолго до рассвета. Непривычное напряжённое ожидание рывком подняло его с постели, вселяя тревогу и беспокойство, заставляя привести себя в порядок, обостряя мысли, подстегивая чувства и почему-то вызывая нервную дрожь.

Сегодня крещение. Окончание прошлого. Пропасть. У него было ощущение, сходное с падением. Пике. Нажимаешь педали, Джеф? И как, получается? Ну, дожился.

Проснувшись, он босиком промаршировал на кухню, ощущая ковровую мягкость под ногами и там, усевшись верхом на стуле, задумался, пытаясь разглядеть в окнах хоть что-то среди непрозрачной черноты скрытного утра. Впервые осознанно пришёл в голову вопрос: а что дальше? Не прежние примерные расчёты: "башня" – Николь, "башня" – пенсия" или "башня" – Николь, переезд, какой-то другой вид деятельности". А именно: что будет жить дальше в его мозгу? Всё его прошлое промелькнуло перед ним.

Родители. Мировоззрение их вполне им разделялось, просто в силу их авторитета. До тех пор, пока не пошло вразрез с его способностью выжить.

Тогда связь порвалась. Но, пожалуй, только опираясь на своё прошлое, он заново создал своё мировоззрение. Если бы не его одинокое отрочество, не видать ему аэродрома, как своих ушей. Так и пялился бы всю жизнь в микроскоп или спектрометр, что-нибудь да определяя.

То клетки, то прошедшие века. Как мечтал для него отец. И дело тут даже не в гибели отца и мамы – все теряют родителей раньше или позже. Дело в том, что их мировоззрение настолько мешало его собственному росту, что он чувствовал себя центром свалки в курятнике, где все куры дружно выражают своё деятельное сочувствие одной, имеющей рану.

Смерть родителей уничтожила в нём основу, за которую он держался в жизни, на которой до этого он создал свою жизнь. Вот что было больно.

Авария: а это уже крушение надежд. После неё пришлось тяжело возрождаться. И неизвестно, возродился ли он вообще, раз его до сих пор так волнует упоминание о самолётах и его лётном прошлом. Пожалуй, это был самый серьёзный удар по его мировоззрению. Подтверждение того, что в жизни нет стабильности. Авария породила в нём твёрдую убеждённости в бесполезности ожиданий. Он решил, что жизнь – слишком зыбкая поверхность, не дающая возможности на ней удержаться. Это была великая ломка убеждений, тщательно подкорректированных и устоявшихся, взрыв вулкана, уничтоживший полностью весь окружающий мир, который он сумел сам соорудить для себя.

Развод. Тут Джеф хмыкнул. Эмма в его жизни, это так, мнимое число. И вместе с тем не учесть её невозможно. Пожалуй, эту вежу стоит назвать неизбежным следствием аварии. Просто ступень, окончание одних мучений и начало других. Кто-то из русских сказал: "страданиями душа совершенствуется". Как ни парадоксально это, но фактически развод стал для него благом. Если бы Джеф тогда, переступив через себя, оставил этот мусор под своим ковром, его жизнь была бы совершенно иной. И закончилась бы очень скоро. Развод позволил ему жить дальше. Упавшему, уничтоженному, но жить. Дал возможность восстановления, высветил путь. Странно, но он сейчас понимал, что эти годы после развода были самыми тяжёлыми в его жизни. Самыми безрадостными и самыми жестокими по отношению к самому себе.

Работа, вот что спасло его тогда. Очень помогает в плохих ситуациях. Джеф был искренне благодарен отцу, за то, что он научил его работать ещё в детстве. Джеф был искренне благодарен Майку за то, что он продемонстрировал, как можно получать удовольствие от процесса работы, которая сама по себе неинтересна и результат, в сущности, тебе не нужен. Джеф был искренне благодарен одному старому технику, Биллу за то, что он научил его отвлекаться работой от неприятностей. Хоть Джефа и обучали в академии, как очищать мозг, но иногда даже рефлекс перестают действовать. Сама работа, даже та, которая не нравилась, учила его жизни. Вынуждала двигаться тело в нужном режиме, создавала потерянный ритм заново. Помогала выжить, помогала ждать. Но работа – это не причина для желания жить и преодолевать трудности. Теперь работа для него – только обезболивающее, не стимулятор.

И значит, есть только Николь. Совершенно неожиданный подарок. Не предполагаемый, не просчитанный. Потому и подарок. Только вот смерти теперь ждать труднее, потому, что совершенно ясно, что это расстроит Николь. Любовь – великий лекарь. Такой же, как время. Но что дальше? С измочаленным сознанием, разочарованный, дважды начинавший жизнь заново, как он дальше будет создавать своё мировоззрение? Вплотную столкнувшись с верой в Бога, Джеф был потрясён мыслью о том, что Бог любит всех одинаково. Он никак не мог себе представить такое: одинаково любить и его и, например, Эмму? Это было непонятно и досадно. Вот Николь любить просто. Она так очаровательна, что её нельзя не любить. Но как можно любить последнего бомжа, который даже сам себя не уважает настолько, что забыл о себе? Общаться с ними было просто, это да. Для них существовал только текущий момент. Им было плевать на все вокруг. Они были способны позавидовать тому, что тебе есть где ночевать. Они были способны треснуть тебя бутылкой по голове, потому, что им были нужны твои деньги. Растительная жизнь без суеты и тревог.

Как там сказано – возлюби ближнего, как самого себя? По тому, как относился Джеф к самому себе, он мог совершенно твёрдо сказать, что так – не любят. Джеф был уверен, что самого себя, просто как человека, любить можно. Любого, первого попавшегося, совершенно

абстрактного. В любом можно найти что-то хорошее, даже в совсем дерьмовом. Но вот только в Джефе было так мало любви к тому "просто человеку", который жил внутри него самого. И с этой проблемой любви-нелюби к себе надо ещё разобраться.

Церковь его поражала. Предприятие, существующее две тысячи лет, имеющее свою структуру, свою систему управления: как же тут не восхищаться! Сейчас он мог с полным правом назвать себя приверженцем этого грандиозного сообщества, даже ещё не окрестившись. Как там во времена Иисуса Христа называли подобных ему? Боящиеся Бога? Здорово.

Он попытался сам для себя определить: в чём его истинное желание окреститься? Необходимо было слово. Причина. Опорная точка желания.

Вера? Смешно. Для истинной веры крещение не нужно. Всё это придумали люди. Это их догмы, не Бога!, да нет же!, отпихивая от себя непрошенные утверждения, пытался он что-то доказать сам себе. Ритуал тоже хорошая вещь – дисциплинирует. Без ритуала церковь бы умерла. Второй ватиканский собор совершил революцию в вере, обновив ритуал. Развернуть священников на мессе лицом к народу было очень мужественным решением.

Желание выделиться? Да ему всегда было наплевать с высокой башни на мнение окружающих о нём самом. Или "башни", да? – посмеялся над собой Джеф. "А что ты тогда так дёргался из-за своей внешности столько лет? И почему тебя волновало, что подумает о тебе Ники?" Нет, не стоит углубляться в самообман. Есть это желание в тебе – быть непохожим на других. Отличаться, даже в своей группе, от ребят. Чёрт, да ты спесивый мужик, Джеф!

Сколько он ни убеждал себя в истинной чистоте своих намерений, не мог отделаться, от мысли, что решающую роль в его решении окреститься сыграла фраза, брошенная Ники во время одной из их бесед: "я хотела бы, чтобы мой муж был католик". Значит, его катехизировала Николь, неосознанно используя его желание обладать ею. Интересно, нет ли в уставе какого-либо ордена пункта о том, что можно использовать сексапильность для привлечения паствы в церковь?

Такая мысль его насмешила. Вот идиот! Да все уставы написаны с позиции любви к Богу, а затем к человеку! Джеф сидел в четыре часа тёмного утра, в ярко освещённой кухне, верхом на стуле у барной стойки и хохотал, покачиваясь, просто ржал до слёз. Потом поймал своё отражение в зеркальной горке. Прекрасно. Он вслух смеется над неслышными мыслями. Года через три он начнет говорить шуточки вслух своему невидимому собеседнику: судя по его поведению, такой обязательно появится. Кто там из ученых утверждал, что нервные реакции после пятнадцати лет работы в «башне» неизбежны? Так и не вспомнишь. "Башня" всех кренит в свою сторону – точно, так выразился бы Том.

Да, с "башней" пора завязывать. Надо будет предупредить Стива перед переводом Малыша в диспетчеры, а то его отправят туда, где он покажется нужнее. А там уже и весна на носу. Вот он снова, тут как тут, этот вопрос: что дальше?

А насчёт привлечения паствы – это нечто. Даже спрашивать не стоит. Не этично. Лишний повод для проявления колоритно-мягкой насмешливости Теда. Любой священник скажет: что вы, нет, конечно, каждый к Богу приходит сам. Можно помочь, направить, но, если интерес к религии основан на сексуальном интересе к человеку, то это пройдёт, когда исчерпает себя этот самый интерес к человеку. А исчерпает себя он неизбежно, так как священник не может дать то, чего от него ожидают – секса.

Да ну. Чушь. Вполне может. Он же монах, а не импотент. Только интересно, как может быть такое? Что там Теодор объяснял? Близость бывает разная: близость брата и сестры и близость влюблённых? Священник видит в своих прихожанах своих детей, а в остальных людях сестёр и братьев, так? А люди-то в нём видят просто мужика. Вот бедные священники!

Вообще-то это понятно. Каждая женщина ищет победы. Она хочет обладать мужчиной и чем больше власти над людьми у этого мужчины, тем сильнее жажда обладания. Трудно приходится поп-звездам: сколько фанаток мечтают о том, как желанный, весь в наколках, подвесках

"властитель», заставляющий рыдать толпу, потом, после своих концертов, будет восхищаться лишь ею, какой-то конкретной фанаткой. Тем более объяснимо такое по отношению к священнику – кто же откажется от мужчины, которому с женщинами точно быть нельзя. Он только со мной будет, ведь я же – необыкновенная.

Джеф опять захохотал от души, сочувствуя Теду. Видно, это действительно иногда тяжкий крест.

Что же делать, если случилось подобное? Значит, тогда интерес Богу не угаснет. Тогда выходит: сексапильность помогает привлекать паству? "Не понял" – сказал себе Джеф, сообразив тут, что заблудился. Получается, что привлечённая сексапильным священником паства останется в приходе? Но тогда привлечённые в церковь женщины будут ждать брака, а значит, если священник не женится на привлечённой женщине, то она из прихода уйдет. Отпадёт от церкви. А если не уходит? Так и остается, ходит на мессы, участвует в жизни прихода? Что, значит, получает то, что искала? Или искренне поверила в Бога?

Тьфу, фигня какая-то. И что это его с мыслью о Ники потянуло на освящённый секс? Джеф вздохнул. Заблудший Коган ищет смысл жизни в её прозе. Что-то действительно, у него всё мысли какие-то приземлённые. Наверное, это дань, как выражается Стив "засорению эфира".

Чем больше Джеф размышлял, тем больше сомневался, что его толкает в церковь вера. Скорее, всё же, неосознанное желание соответствовать какому-то статусу. Верующий, не верующий, католик, протестант, сектант. Кажется, ему приспичило обозначить себя, как приверженца определённой религии. Он выходит, просто лицемер. Молится, потому, что так принято? Или не молится, когда плохое настроение.

Нет уж. Лицемером он себя точно не чувствовал. Как ни странно, в существовании Бога он ничуть не сомневался. Пожалуй, его заботила проблема определения веры. Должна же быть какая-то шкала градуировки: от сих до сих – вера есть, а от сих до сих – её ещё нет? Это снова вызвало у него приступ хохота, почти истеричного. Джеф! – сказал он себе, – да ты уже совсем сдвинулся в своих математических матрицах: в этом сегменте хочу такую диаграмму, в другом – иную. И получится единый запрограммированный слепок мира. Что там говорил Саймон Тагуэлл о невозможности истинному христианину соответствовать какой-либо мирской программе. "Господь слишком велик для этого мира", "рано или поздно мир ощутит, как с христианами тяжело".

Вот чёрт, может не ходить, вообще? Неудобно. Во время мессы объявят: подойдите Джеф Коган, а Джефа Когана и след простыл, вот смехота. Да его Нора потом со свету сживёт: она же себе к событию заказала платье. Если у тебя есть возможность не ссориться с женой твоего друга, то лучше не ссорься.

Вот каким должно быть кредо жизни. И как потом взглянуть в глаза Ники? Нет! Если не окреститься, то Ники он потеряет, это точно.

Тут Джеф, чтобы успокоиться, махнул на всё рукой и рухнул в ванну. Лежал, подставив лоб под кран, чтобы не смотреть на мир. Слушал, как струи воды твёрдо колотят по коже, ощущая, как заливаются вода в уши. Классно было бы вымыться перед крещением. Раз уж оно равносильно смерти для этого мира. Он тут же прикинул. Нет, не получится. Хотя... Если не слишком возиться на дороге, то можно успеть: месса начнётся в двадцать три, дежурство закончится в двадцать один. Десять минут на передачу ведомых и пять – расписаться. И плюс две дороги. Если заехать домой. А если сократить, попроситься в гостевую комнату в храме – то тогда получается вполне прилично. Ха.

Остаётся ровно семь минут на душ.

Он развлекал себя всё утро как мог, чтобы отвлечься от перетряхивания собственной жизни. Даже Лоре позвонил, чем едва не уронил её с ног, как она сообщила. Это был его первый звонок ей за последние два с половиной года. Он её восхитил, она решила, что Николь

на него положительно влияет. Время ползло со скоростью проигравшего. То застревало, то двигалось скачками. И именно тогда, когда понадобилась вся его растяжимость – оно закончилось.

4

Уже набрасывая куртку на плечи Джеф оглянулся на звук открывающейся двери.

Ники! Он обнял её, сожалея, что времени нет совсем.

– Поздравляю! – Шепнула она. – Я видела, там для тебя машину подогнали. Пойдём, я тебя провожу.

А вот это было хорошо.

– Пойдём, – согласился он, ломая поцелуями её причёску. – Как дела сегодня?

– У меня-то отлично, – засмеялась она, чуть удивлённая его пылкостью, но отвечая. – Это у тебя как дела? Какой-то ты взвинченный.

– Есть немного, – снова согласился Джеф. Останавливаться не хотелось. Секунды стучали в мозг. – Ерунда, всё в порядке. Без двадцати двух двадцать три я буду у входа, – это было смешно и он рассмеялся. – Если зайду, то не успею побриться. Захвати мне бритву, ладно? Я постучусь в храм к Теду, морду отскоблить.

Николь тоже рассмеялась, провела ладонью по его щеке, пообещала восторженно:

– Не страшно. Тебя всё равно не испугаются. Но я выйду. Не беспокойся. И раздай подарки – сочельник же.

– Что там? – Заинтересовался Джеф вытягивая шею, чтобы заглянуть в её пакет, который она держала в руках.

Любопытство в человеке не изжить.

– Пряники. – Улыбаясь, объяснила Николь. – Я тебе твой на столе оставлю. Я их сама делала, под руководством Марты. – Она подала ему лёгкий бумажный пакет с ручками, провозжая до входной двери.

Постояла, наблюдая, как аккуратненько двинулся с места его "Дьявол", моментально ускоряясь.

Лихач Джеф всё-таки настоящий. Она вернулась домой, включила машину Джефа. Пока загружался компьютер, сходила на кухню, поискала, что есть поесть. Классно: Джеф, наверное, несколько часов возился. Сразу видно – всё утро провёл в неприятных раздумьях. Он всегда, когда хочет утешиться, начинает заумное что-то готовить. Сегодня точно развлекался. Обычные окорочка оформил, как для банкета. И не лень же было! Она постояла у холодильника, разглядывая башенки из разноцветного желе. Может, он это на вечер соорудил? А ладно, всё равно после мессы папа пригласил Джефа к ним.

Николь достала тарелку и нагрузив на её взгляд достаточно, отправилась в библиотеку: есть в одиночестве всегда скучно. Хоть уж за машиной тогда, что ли. Она просматривала почту, когда брякнул телефон.

– Что ты делаешь? – Услышала она.

– Привет! – Обрадовалась Николь.

Лора. Очень кстати.

– Джеф мне сегодня звонил. – Сообщила Лора. – Так разбудил, что я теперь как стойкий оловянный солдатик – лечь не могу. Ты мне только одно скажи: как тебе это удалось?

– Что? – Удивилась Николь на оба её заявления разом.

– Заставить его позвонить.

– Я не заставляла, – засмеялась Николь. – Это только его инициатива. У него сегодня крещение.

– Да знаю я. – Хмыкнула Лора и это было похоже на хмык Джефа. – Он мне даже сказал, сколько слоёв сделал в цветном желе – двести тридцать шесть. У него получилось по пятьдесят шесть слоёв красного и жёлтого цвета и ещё по шестьдесят два слоя синего и зелёного – а всё

потому, что красный ему показался слишком ярким, а зелёный – бледноватым. И я сильно озадачена. Взять заставить тебя пересчитать эти чёртовы слои, что ли. Я спать теперь не могу.

Николь откровенно захохотала.

– Ничего не выйдет. – Радостно сообщила она Лоре. – Я только что уничтожила три его башенки. Они теперь прекрасно устроились у меня в животе – им в холодильнике было холодно. Они совершенно точно были разного роста. А слои в них считать мне в голову не пришло. Поверь ему на слово и ложись.

– Тебе не понять. – Вздохнула Лора. – Это же с детства моя идея-фикс: подловить Джефа на цифровом несоответствии и тем самым его уесть.

Они перекинулись ещё парой слов, и вялая Лора отключилась. У неё глубокая ночь, но теперь болит голова и поэтому не спится. Чокнутый Джеф разбудил её, едва-едва она вечером заснула. Болтал что-то невразумительное и повторял всё время: "ты поздравишь меня или нет?", повторяя о слоях в его дурацких цветных башенках. Ей стало интересно. Может он там уже женится. Заснуть она так и не могла, вот и перезвонила.

Великое изобретение электронная почта! С тех пор, как Николь написала ей свой адрес, они регулярно переписывались, потому, что почта весьма сэкономила их расходы. Николь очень нравился её слог. Лора иногда писала такие вещи, что Николь не могла их читать без смеха – это просто, наверное, такой дар слова. Теперь они обе были в курсе всех новостей друг друга. Николь устраивало их партнерство: Лора никогда не уставала рассказывать о Джефе и всегда удовлетворяя её любопытство, сама весьма довольная тем, что ей теперь есть с кем почесать язык и узнать новости.

Иногда они обсуждали и Майка. На следующий день, правда, чувствительный Майк звонил Николь и спрашивал:

– С кем ты мне промывала косточки на этот раз?

– Что, не нравится интерес к твоей персоне? – Подкусывала его Николь.

Так она ему всё и рассказала, как же.

Странно, но и с Майком она легко нашла общий язык. Она видела, как в открытой книге его отношение к Джефу и именно Джеф незримо объединял их. Это было какое-то партнерство по умолчанию, единство на основе любви к одному и тому же человеку. Странно, но они с Майком словно чувствовали друг друга: так сильно их спланивало отношение к Джефу. Это вообще была интересная семья. Они все на первый взгляд казались немного холодноватыми, словно отстранёнными от жизни: и сама Лора, и Майк, и Джеф. Сначала Николь удивляло такое спокойствие прохладно-ровной отчётливости при общении. Было даже странно, как так можно общаться с людьми: настолько доброжелательно и насколько закрыто. Потом она поняла – это просто связано с высокой чувствительностью. Они все искусственно выработали в себе эту отстранённость, чтобы защитить себя от ранений души и боли. Наверное, ярче всего это проявлялось в Майке. Джеф был более открыт к людям. Но, может, Николь просто отождествляла его отношение к ней с его отношением к людям.

Спохватившись, она установила будильник на девять часов, чтобы не пропустить время, когда придет Джеф.

Кажется, только-только смотрела на часы! И уже пищит! Николь показалось: время, проведённое в одиночестве в квартире Джефа пролетело, как вихрь, спрессовавшись в одно мгновение. Едва успеешь покопаться в завтрашних уроках, перекусить, посмотреть почту, поболтать по телефону и только чуть-чуть потанцевать и на тебе, пожалуйста! Девять. Она в спешке заканчивала отвечать на каверзные вопросы историка, поглаживая на часы. Секунды текли, как вода сквозь пальцы. У Николь никогда не было полного сотрудничества со временем. Одни сплошные конфликты и недопонимания.

Она выскочила из квартиры, едва не забыв пакет с бритвой, полотенцем, бельём и кофр с чистой сорочкой для Джефа. Шубу застёгивала уже в лифте. Стараясь не привлекать внимания лифтёра. Скажите, как застегнуться незаметно в зеркальной коробке? Пришлось тут же сделать вид, что так и надо, что ещё она могла придумать?

Джеф подкатил как раз в тот момент, когда она торопливо продавливалась в дверь одновременно с какой-то дородной дамой. Николь, бормоча извинения, прошмыгнула перед ней, воспользовавшись тем, что швейцар распахнул её пошире. Джеф, перегнувшись, открывал для неё дверцу.

– Извини, не вышел, – сказал он, быстрыми движениями подбирая её шубу, убирая пакет и кофр в проём между спинками и двигателем, захлопывая карабины ремней – пока она усаживалась на сиденье. Всё разом, кажется и как только ухитряется? Хорошо иметь такой рост и длинные руки. А у неё здесь получается только дотянуться до его локтя, когда хочется положить ладонь на его руку.

Джеф плавно, но быстро рванул с места, Николь, не успевшую устроиться, откинуло на спинку.

– Прости, – снова повторил он.

Она посматривала на него с улыбкой. Ясно, Джеф неприкрыто нервничает. Наверное, переживает. Интересно, а креститься страшно? Николь своего крещения не помнила: довольно трудно запомнить, если тебе едва исполнилось тринадцать дней.

Зато хорошо вспоминалось собственное миропомазание. Тогда ей точно было страшно. Епископ, сам высокий, в своей высокой митре казался ей просто великаном. Она его так боялась! Он смотрел на неё сверху вниз, хотя Николь в одиннадцать лет трудно было назвать маленькой. Она тогда была выше половины своих одноклассников и ростом маме по плечо. Она взирала на епископа с суеверным ужасом: он был похож на какой-то персонаж из бабушкиных волшебных рассказов. Устрашающе величественный, в поблёскивающем орнаменте, с высоченным посохом в руках. Так и казалось: только прикоснись к нему и что-то случится, например, превратишься в столб огня или сосульку. А касаться его необходимо: у него нужно поцеловать перстень. Николь стояла, дрожа и думала – не будет ли верхом неприличия, если она не станет целовать этот перстень? И тут выяснилось, что епископ сам будет касаться её. Это Марина сказала после того, как предложила ей выбрать себе новое имя для миропомазания – всегда лучше иметь побольше ангелов-покровителей. Марина сказала, что после того, как Николь подойдет к епископу и стоя на коленях, поцелует его перстень, епископ нарисует ей на лбу и руках кресты освященным маслом – миром. Она стояла, не дыша, пока, наконец, прохладная рука не начертила чем-то приятно пахнущим крест на её лбу, потом на тыльной стороне рук. Было лето: начало июля, было очень жарко, но лоб Николь был покрыт холодной испариной от страха и напряжения. И когда она почувствовала, что крест на ней нарисован, ей показалось, что её просто припечатали лбом к чему-то горячему, как будто она заснула за бабушкиными пирожками у плиты, когда её поставили за ними присмотреть, и ткнулась лбом в крышку сковородки: лоб так и шипел. И руки тоже.

Её словно что-то тащило, притягивало как железо к магниту, к руке епископа: она наклонила голову, чтобы быстрее встретить этот огонь, которым он её снабдил и подняла так же руки, протягивая их ему навстречу. И когда он тихо повернулся и отошёл от неё, это ощущение жара осталось и не пропадало, как надеялась Николь, наоборот – постепенно усиливалось. Казалось, что кресты на лбу и на руках пылают, потому, что они её обжигали. Больше всего на свете ей тогда хотелось стереть их, чтобы избавиться от этого ощущения. Она и попыталась, если честно, хотя никому не признавалась в этом. Вдруг так делать нехорошо? Но жар не прошёл и Николь до конца мессы изнывала от любопытства: остался ли на лбу след от этого нарисованного креста, ведь не даром же у неё так горела кожа? На руках следов не было – это

она проверила сразу. Потом, после мессы, долго разглядывала своё отражение в зеркале, но так ничего и не увидела – лоб был чист.

Тут неожиданно, ни с того ни с сего, вспомнилась смерть матери. Наверное сработала связь: конец июля того года было её миропомазание, а середина августа – смерть матери. Бабушкино горе и серое лицо деда. Вспомнилось, как горько плакала, даже во сне, мама, как сжимал до синеватой белизны руки папа в церкви на панихиде, и как негромко и потому очень страшно рыдал отец Теодор в больнице, после того как соборовал мать. Он приехал на миропомазание Николь. Просто на свои каникулы. Ходил к ним каждый день и вообще проводил у них всё время, потому что его мама разговаривала с ним только через дворецкого: она так и не простила ему его сана. Николь тогда не могла понять, что за слово такое: соборование. Оно витало в воздухе и ей не объясняли. Она сама догадалась. Отец Теодор был так спокоен и улыбочив, пока сидел с ними в палате, потом мягко удалил всех и Николь. Он провёл там довольно много времени, а когда открыл двери и пригласил всех, был задумчив.

Но потом, когда они уходили, Николь видела, как бабушка, вытирая глаза мокрым платком, утешала его, а он, сильно наклонившись, вздрагивал на её плече, а потом взялся утешать её. Потом они с бабушкой немного поговорили и вскоре были почти спокойны, только к Николь стали относиться так, словно всё боялись, будто она разобьётся. Самое противное отношение людей к тебе: это постоянно напоминало ей о том, что она ущербна, не такая как другие дети. В её семье случилось что-то ужасное и только она была виновата в этом. Никто больше.

Отец Тед на похоронах матери, когда все разошлись с кладбища, долго молился у её могилы. Николь обнаружила это когда вернулась, чтобы попросить у неё прощения: вдруг простит?, хотя и ему понятно – ей там не до земных дел, но может присниться хоть, скажет "Всё в порядке, малыш, я вовсе не сержусь". Она думала – никого уже нет, но нашла там отца Теодора. Он стоял на коленях возле могилы и долго так стоял. Не ждать же было, когда он уйдёт? Николь пристроилась рядом и высказала ей всё, что она передумала. Она даже не заметила, что начала говорить вслух. Она не помнила, что именно тогда говорила, помнила только, что швырнула эти идиотские цветы, которые ей всучила бабушка – уж они-то точно матери были не нужны.

А потом почувствовала, как ей на голову легла ладонь, а другая рука обняла её за плечи, и они стояли так, рядом на коленях с отцом Теодором, прижавшись боками друг к другу. И он сказал: "Ты боишься, что останешься одна? Твоя мама тоже боялась этого. Я дам обет сейчас вот тут. Если тебе будет нужна помощь, я сделаю всё, что в моих силах. Только ситуации бывают разные. Напомни мне об этом дне – я буду знать, что для тебя это жизненноважно.". И он сказал что-то, очень длинное и ритмичное, на латыни, как стих, неотрывно глядя ей в глаза и его глаза были наполнены слезами. Потом прижал, обнимая, Николь к себе и повторил это снова, глядя на фотографию матери, и снова повторил – подняв лицо к небу. Николь так и не поняла – нужно ли было это повторять, может так просто было необходимо для отца Теда. Потом они тихо шли вместе домой: отец Тед провожал её. Прошли вдоль леса по краю кладбища, обходя вокруг разлапистые лиственницы, потом по длинному лугу вдоль дороги, завернули к озеру, заглянули в его воду и покидали плоские камушки, наблюдая, как разбегаются от них широкие круги. И молчали. Бабушка обняла её успокоенно, и никто не сказал ничего.

А после этого всё покатило куда-то.

Жизнь Николь стала цепью неприятностей. Она сирота, у всех мамы есть, а у неё нет. Её саму это мало беспокоило: она считала, что её мама с ней – за всю свою жизнь она ни разу и не назвала Марину "Марина", обращаясь к ней только "мама". Даже когда её мать приезжала на уик-энд. Иногда на её оклик "мама" они оглядывались обе разом, и если мать отвечала раньше, Николь махала ладошкой отрицательно и поясняла: "Не ты!". Николь никогда не задумывалась, обижает ли такое обращение её родную мать. Её мать ничего не говорила ей об этом, напротив, всё время повторяла, что Марину нужно беречь. Даже когда Николь говорила с ней перед её

смертью, она два раза повторила, словно заостряя внимание Николь: "Береги Марину, ей будет очень трудно, Ники, пожалуйста, позаботься о ней. Я доверяю тебе мою Мери".

В сущности, жизнь Николь после смерти матери не изменилась. Весь остаток лета: две недели!, они так же ходили с дедом под парусом и бродили по лесу. Пару раз оставались ночевать в дедовом лесном домике и Николь рассыпала вокруг корм, чтобы облегчить утром его фотоохоту. Но все люди, которые попадались ей в это время, почему-то её жалели. Николь ощущала себя обманщицей. Нельзя сказать, что смерть матери не принесла ей боли, но Николь знала точно: после её смерти она могла жить, а вот если бы умерла Марина, тогда бы она выжить не смогла. Первое время она до умопомрачения боялась, что и Марина умрёт. Марина была очень страшная – потемневшая, худющая, с чёрными глазами и тёмными провалами вокруг них, ни кровинки на серых ввалившихся щеках. И она была молчаливая. Перестала играть в догонялки с Николь, а когда наступал вечер – не рассказывала сказки или весёлые истории, только осторожно обнимала Николь и они так сидели вместе долго-долго на кровати, пока глаза у Николь не закрывались сами. Николь прижималась к ней, слушая её дыхание и думала: "Слава Богу, Слава Богу". Наверное, это было жестоко и неправильно, но Николь была даже рада, что умерла именно её мать, Алина, а с Мариной всё в порядке или, если и не очень в порядке, но она жива и рядом. Она понимала, что это нехорошие мысли, но ничего не могла с собой поделать и жутко тряслась, если Марина заболела. Тогда по нескольку раз за ночь тайком прибегала её проверить, прислушиваясь к её дыханию в темноте и стоя босиком у изголовья кровати. Это было уже после того, как Николь перестала бояться оставить её одну и смогла одна спать в своей комнате, а не вместе с Мариной.

Позже всё это как-то незаметно притупилось.

Эти воспоминания были совсем не подходящими для сегодняшнего события, и она честно постаралась их выкинуть из головы. Прав Джеф, сколько мусора порой в мозгу, наверное, действительно стоит поучиться избавляться от таких мыслей с помощью упражнений Игнатия Лойолы. Когда-то они с Джефом говорили на эту тему, и он сказал, что упражнения для разума великая вещь: помогает выкинуть ментальный хлам.

"Ты представить себе не можешь, сколько там скапливается балласта!" – сказал Джеф ей тогда. Она выслушала это с сомнением: разве могут быть не интересны или не нужны собственные мысли? Теперь она была с ним согласна: к чему ей сейчас эти воспоминания? Чтоб испортить настроение самой себе перед крещением Джефа?

– Как ты? – Спросила она тихонько.

– Как я? Дрожу, – улыбнулся Джеф.

Они встали и, переглянувшись, стали смотреть, как спокойно проходят к алтарю священники, облачённые в гимн, сверкая белыми орнатами.

Странно, Николь знала, что сзади стоят папа с мамой, но её и не тянуло оглянуться на них. Раньше она обязательно бы оглянулась в неосознанном поиске поддержки. Сейчас она точно знала, что вся её поддержка – это Джеф.

Священники преклонили колени, одновременно все поцеловали алтарь и, возможно, по какой-то внутренней договоренности, а может в своей интуитивной синхронности, и заняли свои места. Отец Вильгельм протянул вперед руки и оглядел собравшихся.

– Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, – гулко разнёсся под сводами храма его медленный голос и Николь неожиданно похолодела.

– Аминь, – ответили все.

– Благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога Отца и общение Святого Духа да будет со всеми вами.

– И со духом твоим, – ответили ему и прихожане, и священники.

– Братья и сёстры, осознаем наши грехи, чтобы с чистым сердцем совершить Святое Таинство.

На несколько мгновений в церкви повисла сосредоточенная тишина, которая иногда нарушалась негромким покашливанием или шорохом одежды. По идее, в этот момент надо действительно осознать свои грехи, что бы они не мешали общению с Богом, не закрывали Его от человека, но у Николь сначала было просто пусто в голове, как в том котле, который висит много лет на дворе у деда. Бабушка его использовала вместо колокола, чтобы позвать их с озера на ужин. Ни одной мысли не пронеслось – может быть оттого, что она была взвинчена не меньше Джефа. Она только смотрела широко открытыми глазами и подмечала всё вокруг, словно только и делала, что вертела головой. И вместе с тем она не шевельнулась.

Она видела, как склонил голову Джеф с болью сдвинув брови и закусив губу, как Стив нахмурился и сцепил на животе руки. Она почувствовала, как шевельнулась возле неё Нора, неслышно переминаясь с ноги на ногу. Услышала, как сзади, еле слышно, прочистил горло папа.

Николь точно знала, что он сейчас смотрит на алтарь и просто ждёт продолжения. Она никогда не могла догадаться, о чём он думает в такие моменты: о своей работе или о том, что слышит в церкви. Мама, скорее всего, тихонько вздохнула и выражение глаз у неё стало каким-то больным, как тогда, когда с Николь что-то случалось. У мамы вообще сильно понимание своей вины. Николь, помнится, поразило это однажды, когда сильно папа орал на маму, что она потворствует Николь. Потом, когда Николь, расстроенная вконец, высказывала Джефу свои огорчения, он обронил что-то вроде: "умение заставить чувствовать себя виноватыми других людей можно отнести к дару, свойственному личности". Ей тогда было непонятно, согласен он с папой или нет, так она ему это и заявила.

На что он ответил: "может, папа отчасти прав? Подумай сама, не обязательно мне это говорить, просто подумай: часто ли мама позволяет тебе делать то, что ты считаешь нужным? Наверное, у неё есть причина, чтобы поддерживать тебя. Но и у папы может быть причина быть недовольным этим. И если ты уверена в том, что она всегда поддерживает тебя, подумай, может ты неосознанно пользуешься иногда своим положением? Я понимаю, что говорю тебе весьма неприятные вещи, но я и ещё добавлю. А если бы ты взяла автомат и пошла убивать неугодных тебе на улицах, просто потому, что считала бы что тебе это нужно, как ты думаешь, стала бы мама тебе подносить патроны? Ты просто постарайся осознать, о каких невероятных глубин подлости может дойти человек из-за чувства вины, если его начинает кто-то использовать".

Тогда Николь испугалась настолько, что вообще перестала маму просить о чём-либо, всё время одергивая себя: а вдруг она уже "берёт автомат"? Сейчас это всплыло неожиданно в совершенно другом свете. Николь тогда просто совершенно жутко обиделась на Джефа, так прозрачно намекнувшего, по её мнению, на подлость её мамы. Даже не просто обиделась, а отвесила ему пару хороших пощёчин, прежде, чем он успел поймать её за руки, напоминая, что он предупредил: скажет неприятную вещь. Она отцепилась от него и устроилась в уголке, молчаливая и обозлённая, размышляя, почему он так сказал. Потом эта обида всей своей тяжестью упала на неё саму, как только она присовокупила собственную вину. Сегодня она впервые подумала о маме не как о жертве её, папы или обстоятельств, а как о человеке, который бьётся всю жизнь в сетях собственных построений, так искажённых и нечётких, что не видит пути. И лишь сейчас она вдруг поняла: тогда Джеф вовсе не пытался выразить симпатию к её отцу, а глубоко сочувствовал Марине.

Под сводами поплыл глубокий голос, подхваченный немного нестройным хором собравшихся:

– Исповедую перед Богом Всемогущим и перед вами, братья и сёстры, что я много согрешил мыслью, словом, делом и неисполнением долга:

Николь ударила себя в грудь костяшками сжатых в кулачок пальцев, заметив, как медленно и с силой делает то же самое Джеф и повторила:

– Моя вина, моя вина, моя великая вина. Поэтому прошу Блаженную Приснодеву Марию, всех ангелов и святых, и вас братья и сёстры молиться обо мне Господу Богу нашему.

Отец Вильхельм откликнулся:

– Да помилует нас Всемогущий Бог и простив нам грехи наши, приведёт нас к жизни вечной.

И все ответили ему:

– Аминь

– Господи, помилуй! – Сказал отец Вильхельм.

Странно, но у него это получалось с такой просительной нотой в голосе, что Николь, если была задавлена плохим настроением, иногда это не могла слушать без слёз. Может быть потому, что иногда сомневалась, что ей можно простить её прегрешения.

Иногда, она это точно знала, она была настоящей фаталисткой.

– Господи, помилуй, – откликнулись все.

– Христе, помилуй, – произнёс отец Вильхельм

– Христе, помилуй, – взлетело в храме.

– Господи, помилуй! – Воззвал отец Вильхельм.

– Господи, помилуй, – и как только ответили ему, он возвысил голос и пропел:

– Слава в вышних Богу!

Николь рядом с Джефом с осязаемой радостью подхватила гимн Славы – праздник! Надо славить Господа. Адвент окончен. Весь адвент они не слышали этого гимна.

– И на земле мир людям Его благоволения. Хвалим Тебя, благословляем Тебя, поклоняемся Тебе, славословим Тебя, благодарим Тебя, ибо велика Слава Твоя. Господи Боже, Царь Небесный, Боже Отче Всемогущий. Господи, Сын Единородный, Иисусе Христе, Господи Боже, Агнец Божий, Сын Отца, берущий на Себя грехи мира – помилуй нас, берущий на Себя грехи мира – прими молитву нашу; сидящий одесную Отца – помилуй нас. Ибо ты один свят, Ты один Господь, Ты один Всевышний, Иисус Христос, со Святым Духом, во славе Бога Отца.

– Аминь, – сказали они с Джефом в один голос, вместе со всеми.

– Помолимся, – на миг отец замер у алтаря, пока стоящий слева от него отец Франциск переворачивал страницу лекционария. Настоятель посмотрел, помолчал. И начал вступительную молитву. Николь слушала её и мгновенно забывала всё то, что говорил настоятель, с холодом внутри глядя на алтарь и ругая себя за рассеянность. Её встряхнули только заключительные слова молитвы, как некий знак, что можно сесть:

– ... Через Господа нашего Иисуса Христа, Твоего Сына, Который с Тобою живёт и царствует в единстве Святого Духа, Бог во веки веков.

– Аминь, – откликнулась Николь вместе со всеми и опустила с облегчением на скамью, потянув за руку Джефа. Он вздрогнул, посмотрел на неё: наверное, ему очень не по себе. И сел.

Джеф даже не слышал, что говорилось на чтениях – ожидание сминало его сознание, вылепливая из его чувств памятник боли где-то в глубине души.

Казалось бы, да чего особенного? Слово он никогда не предавался магическим ритуалам. Определённое количество проверенных веками слов и жестов. Но здесь не было досадного и потому тянущего ожидания неизвестности. Тут была Тайна, как необходимый атрибут мистики, но Тайна, при всей своей непостижимости, не была устрашающей, а напротив, неожиданно светлой и радостной. И ощущение этой радости смягчало ритуал. Он стоял и размышлял о загадочном различии магии и религии, пока не одёрнул сам себя, с трудом возвращаясь к чтениям.

Предсказание Рождества Иисуса повторялось в двух отрывках из Библии и Джеф неожиданно снова погрузился в тревогу. Предсказания прихода Мессии напомнили ему сон, в котором он разбился в машине. Вроде самый обычный кошмар: он за рулём, удар, тьма, боль, и он

– умер. Этот сон приснился впервые вскоре после его странной скоропалительной женитьбы, ещё в Японии. Джеф не придавал ему никакого значения: мало ли какая ерунда может насниться по ночам? Но сон вернулся, во всей своей подробной неумолимой яркости, вернулся вскоре после аварии и ещё однажды, уже дома. И Джеф тогда задумался, анализируя его. Может быть потому, что уже был достаточно подготовлен к принятию такой неприятной ситуации, а может потому, что ему тогда уже было не о чем жалеть. Машина была незнакомая, не то чтобы он так видел, просто он знал это, как бывает во сне. Автомобиль и автомобиль, он даже знал его и сидел в нём не раз до этого, потому, что ориентировался в расположении необходимых вещей в нём, знал, как эта машина поведёт себя в непредвиденном случае. И вместе с тем, совершенно точно – это была неизвестная машина. Чужая, не его. Это было странно, но в снах всё странное. Он смирился с ожиданием, было даже любопытно: в самом деле так всё и случится или это просто вариации на тему бренности жизни? А когда появилась Николь и привела его в церковь, он изумился, столкнувшись вплотную с христианским пониманием времени. И тогда задумался впервые: так ли всё фатально предопределено в жизни, хоть и сосчитан каждый твой волосок на голове?

– Аллилуйя, – услышал он рядом, возвращаясь мыслями в это место и в это время.

Ого, замечтался. Уже Евангелие начинается.

Так можно и всю мессу прошляться в дебрях воспоминаний. Осторожно взглянул на Николь. Она стояла рядом, немного бледная, задумчивая. Она-то уж точно не болтается на мессе в посторонних размышлениях.

Это было странно: обнаружить у самого себя недостаток сосредоточенности. Он заставил себя слушать Слово Божие не отвлекаясь.

– Господь с вами, – сказал отец Вильгельм, оглядев прихожан.

– И со духом твоим, – ответили ему.

Джеф медленно начертил на лбу маленький крест большим пальцем, затем на губах и, наконец, на груди. Рука была тяжёлая, словно чужая. Сказал вместе со всеми:

– Слава Тебе, Господи.

Голос Николь рядом был так тих, едва слышен, что Джеф только улавливал его, даже не различая оттенков: спокойна она? Волнуется?

Николь не была спокойна. Она, спроси её Джеф сейчас, не смогла бы точно определить своё сиюминутное состояние. Она просто едва дышала, вдруг стиснутая тревогой. Вернее, даже страхом. Что ей именно страшно, она определила только потому, что у неё неожиданно заledenели ладони. Это осталось ещё из детства: всегда, как только она сталкивалась с какими-то стрессовыми ситуациями, когда ей приходилось принимать решение или общаться с незнакомыми людьми, руки становились противно липкими и холодными. И раз сейчас такие руки, значит, преобладает страх. Это её удивило. С чего вдруг? И если это действительно так, страх преобладает над чем, над какими чувствами-то?

Неожиданно всплыла картинка. Вечер, темнеет за окнами, они торопятся, но приостановились, чтобы просто посидеть вместе. Ресторанный стол, накрытый двумя скатертями: тёмно-зелёной внизу и на ней белой. На столе свеча и бутылка шампанского, наполовину пустая. Красно-коричневая обивка на стенах отражает причудливыми узорами позолоты огни люстр и желтоватое пламя свечи. Кабинка, без потолка, неярко освещённая, отделяет их стол, создает иллюзию, что они тут одни. И Джеф. В расстёгнутой куртке, откинувший голову назад и опирающийся на высокую спинку кресла и всем телом, и затылком. Его неуловимая, блуждающая и мягкая улыбка. Его взгляд, обращённый к Николь, полный нежности. Его движения, которые он то начинал, то вдруг обрывал. Он поразил её тогда своим обращением к ней и раскрепощённостью. Они тогда впервые вместе пили шампанское.

Как давно это было! Ещё осенью. Тогда же её впервые охватило мгновенное яркое понимание своего страха за него. Она просто задыхалась в тот вечер, испугавшись, что с ним что-

то случится, она не сумеет ему помочь и останется без его поддержки. Это было такое острое ощущение, такое болючее и ясное, что внутри от него становилось одновременно и холодно, и жарко. Старый тёмный страх, такой же как тот, который заливал её, пока она стояла босиком, чтоб никто не услышал, на холодном полу, прислушиваясь к дыханию Марины, или когда представила, что Стив придёт и скажет: "прими мои соболезнования".

Потом это прошло, отдалилось и забылось, кажется, через неделю или две. Она не помнила. Этих страхов, терзающих её, было так много, что трудно было их все как-то обозначить. Наверное, она тогда списала это чувство на воздействие алкоголя и не стала обдумывать. И уж тем более не сказала Джефу.

Николь взглянула на него.

Он сидел рядом, такой же, как всегда и так внимательно слушал Евангелие, что ей стало интересно, что он там слышит? Она попыталась прислушаться, но почему-то улавливались только отдельные слова, достигающие её понимания. В голове вместо этого крутился псалом: "Сердце моё трепещет во мне, и смертные ужасы напали на меня; страх и трепет нашёл на меня, и ужас объял меня".

Николь прослушала и чтения, и Евангелие, и как усиленно ни старалась она сосредоточиться, всё ускользало от её сознания, поглощённого воспоминаниями.

Она пыталась отвлечься, поглядывая на Джефа, но только возвращалась снова к мыслям о нём и собственному беспокойству.

Она поймала себя на осознании что вместо молитвы половину мессы простояла, размышляя о Джефе. Её вдруг пришло в голову, что сейчас она просто постоянно, постоянно боится за него. Это было просто смешно, такой здоровенный мальчик, как Джеф, который столько лет прожил один, уж, наверное, прекрасно мог о себе позаботиться. И всё равно, она боялась. Это был какой-то неосознанный страх, неоформленный и расплывчатый. Если бы Джеф летал, там хоть было бы ясно: а вдруг что-то произойдёт в воздухе с самолётом? Но здесь, на земле, она никак не могла себе обозначить границ и причин этого страха, и подобное положение вещей нервировало её.

Николь почувствовала даже радость от того, что хоть поняла, что она просто боится, не случилось бы чего с Джефом. Когда она впервые обнаружила в своей душе присутствие страха и не смогла его назвать или хоть найти его причину, это так обеспокоило её, что стало трудно дышать. Она запаниковала тогда: ей показалось, что она боится самого Джефа. Ужасное подозрение, встряхнувшее её своей нелепостью. Она размышляла целый день – это было ещё осенью, вскоре после их встречи. Но такого просто быть не могло. Уж кого-кого, а Джефа-то она точно не боялась, для неё собственный отец был гораздо страшнее.

Она выкинула это из головы и стала размышлять о своих страхах с другой стороны, как и предлагал Джеф. Кажется, такое заключение не должно её было беспокоить совсем: ведь она боится не за себя. Сразу понадобилось выяснить, что такого опасного для неё самой в её страхе за Джефа – она просто пыталась сформулировать этот вопрос, как учил её Джеф. И на этот прямой вопрос тут же получила ответ: страх потерять себя. Все её мысли, чувства, ощущения были настолько заполнены Джефом, что его отсутствие в её жизни означало только исчезновение самой Николь. Она попыталась представить себе, как такое может быть.

Она бы сидела в маленькой комнате, которую сейчас даже не воспринимает как свою, просто мысленно обозначая её термином "здесь" или "там", соответственно тому, где сама находилась. Странно, квартира Джефа у неё воспринималась как "дом". Ей не хотелось бы выходить, потому, что некуда было идти; ей не хотелось бы есть, потому, что было бы не до еды; вокруг неё были бы люди, но она не видела бы их, потому, что не было бы Джефа. Когда-то давно, когда она решила, что у неё никогда не получится быть святой, потому, что она слишком любит себя, она поставила над собой опыт. Мысль была проста: выяснить, как сильна её воля, чтобы она могла отдать себя без остатка служению Богу. Мало ли какие трудности

могут возникнуть при этом. Сколько было таких мучеников, которые голодали и всё равно делали то, к чему их призвал Господь.

Она перестала есть совсем. Пила только воду и страшно мёрзла, хотя это было летом. Странно, есть ей тогда даже не хотелось. Так и осталось далеко в воспоминаниях: пустота и холод внутри.

Она выдержала только три полных дня, потому, что на четвертый день приехала бабушка и взбунтовалась. Уж кто-кто, а бабушка точно всегда могла уговорить Николь сделать то, что ей делать не хотелось. Хоть опыт по мнению Николь и остался незаконченным, она вынесла из него неприятные для себя вещи. Например, решила, что силы воли у неё самой нет даже с бабушкин напёрсток: если бы она не молилась, она и дня бы не выдержала. Значит, о силе ей нужно только молиться. Ещё она обнаружила, что если совсем не хочется есть, но тебя все равно усаживают за стол и переставляют перед твоим носом всякие вкусности, а уж бабушка конечно блеснула!, невозможно устоять.

Николь тогда страшно огорчило осознание, что в ней голос её желудка сильнее голоса собственных убеждений. Одно только она для себя так и не прояснила: каким образом Бог мог отдать тому, кому нужно всё то, что она отказывалась есть эти три дня ради собственной проверки? Она оставила этот вопрос, решив, что он не входит в её понимание. Сейчас ситуация была похожа. Николь, чтобы разобраться в своих страхах подумала, что нужно поставить эксперимент: просто посмотреть, сколько она выдержит без Джефа, раз уж она, как мама говорит так им одержима. И она попыталась представить такую ситуацию. И поняла, что если будет усиленно молиться, то три дня выдержит точно. Но при этом у неё мелькнула мысль: а Джеф?! Сколько выдержит он? Она взглянула на него.

Он стоял рядом, на вид такой невозмутимый, обычный. Сразу почувствовал её взгляд, посмотрел на неё и увидев его взгляд она вздрогнула. Его глаза были такими тревожными, словно он в темноте машины, едва освещённый огоньками приборов слушает её рассказ о лагере. Она не знала, что он увидел в её глазах, но он нащупал её руку и сжал её. Его ладонь была тёплой, даже горячей и сухой. Её холодные пальцы с наслаждением погрузились в это тепло, сразу покладисто подогнулись, чтобы полнее ощущать жар ладони Джефа. И Николь вдруг пронзила мысль: она пришла к нему, просто потому, что ей не к кому было больше идти. Подумала, что он выслушает её и, может, что-то подскажет. Он, конечно, подсказал, но в то же время и распахнул себя перед ней, сказав: "бери, что хочешь, что тебе надо. Я весь твой". Она и брала. Спокойно. Нахально и без зазрения совести. И взяла столько, что если она его бросит, то он просто умрёт. И она сама так проросла в него, что и она тоже умрёт.

И эта осознанная ею взаимозависимость их была так ослепительна в своей простоте, что её изумило, как это она не поняла этого раньше. Она думала о Джефе и о себе по отдельности. А они-то перешагнули порог одиночества, теперь они одиноки вместе, как сиамские близнецы и если им разделиться, то одиночество их убьёт.

Она с изумлением смотрела на него в этом озарении, вся трепеща. Как? Всё вот так просто? Это и есть любовь? Такая проза? А где же сказки, прекрасные и романтические? Она столько говорила о своей любви, она так объясняла это маме и не понимала, что Любовь – это просто Жизнь? Вот он, Джеф, стоит себе рядом, волнуется. И он – единственный человек, который ей нужен. Она любит этого человека. С его странностями. С его особенными привычками и недостатками. Именно он послан ей Богом для того, чтобы сопровождать её по жизни. В нём все её надежды. Истина, пронзающая душу. И правда не знаешь, что с тобой будет дальше в жизни, вся ты в ладонях Господа.

Ведь она ничего не сделала такого, чем можно было бы гордиться, что составило бы ей честь или как-то помогло другим людям. И всё равно получила такой подарок: Джефа. Наверное, Бог действительно её очень любит. Это мелькнуло в ней мгновенным озарением: утончённое понимание своей любви, понимание своей связи с Джефом, и понимание причины своих

страхов. Не Джефа она боялась, а жизни. Раз у неё есть такой потрясающий подарок – любовь, становится очень страшно от возможности потери, стоит только сравнить пустоту её прежней жизни и наполненность её сейчас.

И теперь, догадавшись, что это не страх Джефа, а страх за Джефа, как часть себя, она почувствовала такое облегчение, что ей захотелось тут же сесть, потому, что её охватила слабость. Вывод трёхмесячных раздумий оказался весьма тяжеловесным. Было даже странно, как она могла просмотреть такое, тем более, что ведь это приходило ей в голову после того, как Джеф съездил к Эмме Крюгер. Так нет, она просто откинула это понимание, как нечто мало-значное!

Ошеломлённая, она смотрела, как отец Вильгельм закончил чтение из Евангелия. Он на миг замер, глядя перед собой, и в церкви повисла тишина, такая крепкая, что, кажется, ощущалось отчётливое потрескивание свечей.

Настоятель вытянул вперёд к народу руки с тяжёлой книгой и Джеф мимолетно удивился, как он держит на весу так долго столь громоздкий фолиант. Отец Вильгельм гулко сказал:

– Слово Господне.

– Слава Тебе, Христе, – ответили ему.

Брат подошел к нему и, поклонившись, забрал книгу. Министранты, держащие высокие подсвечники с толстыми свечами для удобства чтения Евангелия одновременно сделали шаг назад, повернулись и ушли за алтарь. Весь народ смотрел, как они поставили подсвечники на пол у дарохранительницы. Настоятель обошёл алтарь, помолчал, оглядывая собравшихся.

– Сегодня я хотел бы напомнить вам о тех плодах любви, которые мы все способны принести в своей жизни. Как только люди говорят "плод любви", сразу приходит мысль о рождении ребёнка. Но разве не будет плодом любви результат доброго намерения? Подумайте, сколько чудес сопровождает нас в путешествии по жизни, созданных руками любящих нас людей или их добрыми намерениями. Не раз мы вспомним мамины завтраки, положенные в наш портфель, как бы мы от них ни отказывались или улыбку бабушки, вытирающей нам слезы, или успокоительное присутствие отца во время нашей первой игры. Скажете – обычные вещи? О, что вы, в этом нет ничего обычного! Это маленькие чудеса любви, способной перевоплощаться из слова или намерения в реальную вещь. Может быть в осуществлённую мечту, а может и в рождение ребёнка. Давайте немного углубимся в прошлое: вот Мария, простая девушка. Смиренная до величия. Вспомните факт посещения Марией Елизаветы. Как вы думаете, зачем она к ней пошла? Просто проведать свою родственницу? Да ведь такой жест граничит с любопытством, а значит абсолютно бесполезен. Разве же такая девушка, как Мария, могла просто бездеятельно любопытствовать? Нет, она пришла для помощи по хозяйству, ведь Елизавета была стара и должна была скоро родить, надо полагать, что ей трудно было работать. Мария пришла к ней, как к близкому человеку, неся ей свет своей ласки и жертву своего терпения, ибо всякая помощь трудна, так как заставляет нас забыть о себе. Но может быть и легка, если присутствует любовь. Мария дарила Елизавете плоды своей любви простой заботой о ней и Захарии. Это и нам по силам – такие маленькие подарки добра. Несите и вы, по примеру Марии свет своего добра вашим близким, знакомым, незнакомым, ибо вы свет миру. Я предложу вам ещё одну картину для размышлений. Величайший пример семьи – Святое семейство. Посмотрите: и Мария, и Иосиф были простые люди. Пусть им не досталось места в гостинице: они всё равно испытали великую радость при рождении Иисуса и смогли обеспечить Его самым необходимым, когда Он пришёл в этот мир. А подумайте, смогли бы они спасти Его, не имея доверия? В доверии Богу – основа единства семьи. Разве легко было принять такое решение: с Младенцем и ослабленной женщиной отправиться в тяжёлый путь, на чужбину, в великую даль, безо всякой поддержки? Только доверие помогло Марии смиренно принять это от Иосифа и только доверие помогло Иосифу не отказаться от Марии прежде

и заботиться о ней и Иисусе в дальнейшем. Вы здесь найдете пример тех малых дел любви, которыми полнится жизнь с её каждодневными заботами. Такие дары оказывал Господь в то время Марии через Иосифа. Такие дары любви оказывает Он нам сейчас, нужно только внимательно посмотреть на великие примеры Рождества, чтобы суметь увидеть чудеса в нашей жизни. Мы, с помощью Господа, можем создавать в жизни эти чудеса из плодов любви. Вы руки Господа: Он дарит любовь вашими руками, вы глаза Господа: Он видит нужду вашими глазами, вы уста Господа: Он вашими устами шепчет слова утешения и поддержки, одобряет и направляет. Оглянитесь вокруг, посмотрите на чудо маленьких дел любви: свет Рождества озаряет вас. Так несите в мир свой свет, покажите миру пример христианской любви, начните со своих близких, сегодня, сейчас.

Отец Вильгельм неожиданно замолчал и все молчали, глядя на него. Он обвёл глазами притихших людей и некоторое время спустя добавил:

– А теперь исповедуем нашу веру:

Джеф повторял за Николь непослушными губами, чувствуя всё сильнее и сильнее напряжённое ожидание:

– Верую во единого Бога, отца Всемогущего, Творца неба и земли, видимого всего и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия Единородного, от Отца, рождённого прежде всех веков, Бога от Бога, Свет от Света, Бога истинного от Бога истинного, рождённого, несотворённого, единосущного Отцу, через которого всё сотворено. Ради нас людей и ради нашего спасения, сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и ставшего человеком; распятого за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребённого, воскресшего в третий день по писаниям, восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца, вновь грядущего со славою судить живых и мёртвых и Царству Его не будет конца. И в Духа Святого, Господа Животворящего, от Отца и Сына, исходящего; Которому вместе с Отцом и Сыном подобает поклонение и слава; Который вещал через пророков. И во единую Святую Вселенскую и Апостольскую Церковь. Исповедую единое крещение во отпущение грехов, ожидая воскресения мёртвых и жизни будущего века. Аминь

Странно, но Джеф словно впервые услышал этот совместный голос прихожан. Раньше, может потому, что он слишком много думал на мессе о постороннем, может, потому, что слишком много внимания уделял тому, что говорит он сам, боясь где-нибудь споткнуться, он слышал собственный голос. А тут вдруг все голоса слились в один. Вместе это получалось весомо. Он опустил голову. Странно, эта месса, кажется такая обычная месса. И вместе с тем такая давящая, что он словно каждой клеткой ощущал давление этого ожидания.

– Такова наша вера. – Сообщил отец Вильгельм, и предложил:

– Помолимся! – И продолжил неожиданно: – Прошу Джефа Когана и восприёмников подойти к алтарю.

– Сейчас будет молитва верных вместе с малым экзорцизмом, – шепнула Николь. – Потом крещение.

Он не успел переспросить её, мгновенно удивившись, зачем экзорцизм и почему малый: его, улыбаясь, манил к алтарю Рей, с которым Джеф договорился, что он будет его вторым крёстным. Теодор долго хохотал, услышав эту просьбу, но позже объяснил озадаченному Джефу: вообще-то монахи не могут быть крёстными, они монахи, воины Христа, куда направит их Церковь, туда они и должны следовать для служения, оставив позади всё. Правда, это касается крещения маленьких детей. А крёстный должен непрестанно вести своего крестника по пути возрастания в вере, поскольку отвечает за своего крестника.

– Джеф Коган, какое имя выбрали себе для крещения? – Строго спросил его отец Вильгельм.

Джеф отчетливо ответил, хоть и хрипло: голос неожиданно сорвался, добавив к своему имени ещё имя Марка. Настоятель серьёзно кивнул и спросил ещё раз:

– Такова наша вера, согласен ли ты принять её и нести её?

Джеф ответил, что, да, согласен и принять, и нести, не слыша своих ответов, перестав вдруг воспринимать самого себя и окружающий мир. Отец Вильгельм словно плыл перед ним, плаваясь и разрастаясь. Всё растворилось в неуловимой синеве, остались только вопросы, которые требовали его немедленного ответа и голос, звучавший из ниоткуда, имеющий право так вопрошать.

– Отвергаешь ли ты сатану...

– Отвергаешь ли ты грех...

– Веруешь ли ты в Бога, Отца Всемогущего...

– Веруешь ли ты в Сына Божия Иисуса Христа...

– Веруешь ли ты в Духа Святого...

Он отвечал, не чувствуя своего тела, не слыша сам себя: "отвергаю", "отвергаю", "верую», «верую", "верую"... А на него всё сильнее наваливалась и наваливалась, давила, пригибая к земле, невыразимая тяжесть благоговения.

5

У Джефа внутри прокатился холодный огонь от макушки до пят. Брат Рей спокойно шагнул вперед, легко дотронувшись до его локтя. Джеф пошёл ту пару десятков шагов не чувствуя пола под ногами и весь тонко подрагивая внутри. Он никак не мог назвать, определить свои ощущения, не мог думать, потому что все мысли разом вылетели из головы, оставив один трепет. Зрение сузилось в один узкий луч восприятия, Джеф не мог увидеть, что происходит рядом с ним, не воспринимал ни окружающих ни окружающее: его внимательность была важна здесь, у алтаря и не было возможности и права отвлечься. Перед ним осталась только сверкающая громада алтаря. И видел он только алтарь. А может, ему просто было позволено видеть только алтарь. Он стоял словно в огромном белом кафельно-холодном просторе медицинского кабинета, под безжалостным светом и пристальным взглядом.

В этом всеобъемлющем внимании к нему не было предвзятости или скептицизма. Одна радость. Но и такая ясная всепоглощающая радость была почти непереносима в своей огромности.

– Положите руку ему на плечо, Стив, – услышал он негромкий голос Рея и почувствовал, как на его плечи твёрдо легли две ладони.

Рука Стива была такой горячей, что он прочувствовал этот жар через ткани сорочки и пиджака. Рука Рея была невесомой и прохладной. Почти неощутимой. Но странно, именно эта рука направляла: то вела, то поворачивала, то наклоняла, то поддерживала его.

Джеф, повинувшись безмолвным указаниям Рея, склонил голову, склоняясь над алтарём, но невесомая тяжесть давила на него дальше, и чтобы хоть как-то облегчить это давление, он, неожиданно для себя и для всех, отшагнул назад и встал на колени. Просто потому, что так было нужно, так было правильно для него. Видимо, это не планировалось, но Джеф и не заметил, не имея возможности ни оглядеться, ни оценить себя со стороны: Таинство разворачивалось вокруг, шуршало крыльями, тревожило, освещая. Только почувствовал: когда он встал на колени стало легче и уловил в этом вселенском внимании к себе мягкую и лёгкую насмешливость поощрения: так-так, правильно, дерзай.

Отец Теодор, моментально сориентировавшись, взял с алтаря таз и подставил его под лоб Джефа. Отец Вильгельм полил трижды водой его голову, проговаривая формулу крещения: "крещу тебя Марк-Джефферсон-Аарон во имя Отца и Сына, и Святого Духа" и рисуя крест надо лбом тонкой неровной прозрачной струйкой. Ледяная вода просочилась сквозь волосы, потекла по лбу, по лицу Джефа и ему самому показалось, что это слёзы – так она обожгла его, эта невесомая струя. А может, просто она нагрелась на нём.

Плечи его горбились под невероятной тяжестью, снисходящей на него свыше. Не было сил стоять: его колотила дрожь и пригибала к полу Сила. Он был ошеломлен, просто смят, распластан этой Силой, вздрагивающий, качающийся от усилия удержать тело и не свалиться, впервые постигая всю сущность выражения "десница Господня". Самое правильное, что он мог сейчас сделать, как Джеф ощущал – это упасть здесь, ничком у алтаря от благодарности, что он остался жив. Потому, что как можно терпеть его величайшую дерзость в такой момент? Джеф чувствовал, что ему недостаточно стоять перед Богом на коленях, что ему надо было, легче было бы пасть ниц.

Но рука Рея странным образом поддерживала его, двигаясь на нём, заставляя его трястись до конца. Ему не пришло в голову, что его так качало, поэтому и Рей, и Стив пытались просто его удержать и не дать ему упасть.

Когда крещение закончилось, Теодор потянул его за локоть, помогая встать. Джеф ничего не видел вокруг: всё было словно в светлом тумане. Он, не чувствуя под собой ног, спустился вниз, к скамьям, пытаясь идти ровно.

Он ничего не слышал от грохота собственного сердца и шипенья крови в висках. С трудом уловил, что Николь тянет его вниз, чтобы он сел: начиналось освящение даров.

– Благословен Ты, Господи Боже вселенной: по щедрости Твоей Ты дал нам хлеб – плод земли и трудов человеческих, и мы приносим его Тебе, чтобы он стал для нас хлебом жизни.

– Благословен Бог веками – ответила рядом Николь.

Она коротко взглянула на него, чуть повернув голову и Джеф попытался встряхнуться, чтобы собрать раздробленное на множество осколков своё восприятие мира.

– Благословен Ты, Господи Боже вселенной; по щедрости Твоей Ты дал нам вино – плод лозы и трудов человеческих, и мы приносим его Тебе, чтобы оно стало для нас питием спасения.

– Благословен Бог веками, – ответила снова негромко Николь.

Джеф наконец смог шевельнуть губами вместе с ней, осознавая постепенно происходящее вокруг. На него медленно наваливалось удивление. Неужели всё? И он действительно до сих пор жив? Что: взяли, вывернули наизнанку, потрясли, посмотрели и решили – рановато ему ещё на тот свет? Наверное, все его чувства были настолько обострены, что он слышал, как тихо отец Вильхельм говорил, склоняясь перед алтарём:

– Прими нас, Господи, стоящих пред Тобой со смиренным духом и сокрушённых сердцем. Да будет эта жертва наша пред Тобою угодна тебе, Господи Боже, – и добавил, выпрямляясь, протягивая руки вперёд и в стороны, приглашая на молитву и всех вокруг: – Молитесь, братья и сёстры, чтобы моя и ваша жертва была угодна Богу Отцу Всемогущему.

Все встали и Джеф, изумлённо владея своим телом, тоже встал.

– Да примет Господь эту жертву из рук твоих во хвалу и славу имени Своего, ради блага нашего и всей Церкви Своей Святой.

– Аминь, – он совсем теперь не слышал Николь. И не слышал себя – всё сливалось в один единый голос, усиленный, многогранный, словно приподнимающий над полом.

– Господь с вами, – сказал настоятель.

– И со духом твоим.

Отец Вильхельм поднял руки вверх и сам глядя вверх, куда-то в высокие своды, весь устремленный туда и сам, воззвал:

– Ввысь сердца. – Затем поднял руки чуть выше, словно и в самом деле приподнимая ладонями сердце Джефа.

– Возносим к Господу, – откликнулись все и это едино взлетело ввысь, к сводчатому потолку, и выше, проникая сквозь его полукруглые своды и достигая небес.

Николь ухватила ледяной рукой за ладонь Джефа, словно боясь, что он улетит без неё. Её холодные пальцы не отвлекали его: он просто сжал её руку, согревая.

Снова протягивая к людям руки, оглядывая знакомые лица, настоятель предложил:

– Возблагодарим Господа Бога нашего.

– Достойно это и правильно.

– Префация, – шепнула Николь, словно сама себе.

Это напомнило Джефу об отцовских раскопах, и он задумался о преломлении слов в истории, вместо того, чтобы слушать молитву у алтаря, предваряющую самую важную часть мессы: Евхаристию. Интересно, что фация в переводе с латыни просто форма, в геологии: пласты или свиты осадочных горных пород, имеющие одни и те же органические остатки. А в церкви префация – подготовка перед современным жертвоприношением в литургии.

– Воистину достойно благодарить Тебя, – говорил, направив руки ввысь, отец Вильхельм. – Воистину праведно прославлять Тебя, Святой Отче, ибо Ты один – Бог живой и истинный, предвечный и в вечности пребывающий обитающий во свете неприступном; Ты один благ, Ты один жизни источник, сотворивший вселенную, дабы исполнить благословениями Свои создания и многих радовать сиянием Своего света. Тебе предстоят бесчисленные множества

ангелов, денно и ночью Тебе служащих и в созерцании славы Твоей непрестанно Тебя славословящих. И мы вместе с ними и со всем поднебесным творением имя Твоё в ликовании исповедуем, воспевая: ...

Это так ясно указывало на то, что сейчас месса идёт и на небесах, что у Джефа на миг пробежал мороз по коже. Вместе со всеми он пропел, когда на величественных звуках органа поплыли слова Славы после Префация:

– Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф. Полны небеса и земля славы Твоей. Осанна в вышних. Благословен грядущий во имя Господне. Осанна в вышних.

Богатые низы органа словно поддерживали музыкальную вязь.

Его всегда поражала Слава, исполняемая на мессе. Она была так весома, внушительна и удивительно: вызывала у Джефа почтение, желание склонить голову в согласии, потому, что с таким сочетанием ощутимых звуков нельзя не согласиться.

– Исповедуем Тебя, Святой Отче, ибо Ты велик, и всё сотворил премудростью и любовью. Ты создал человека по образу Своему, и вверил ему попечение о вселенной, дабы служа Тебе – единому Творцу – он владычествовал над всем творением. Когда же, послушавшись, он утратил Твою близость, Ты не оставил его во власти смерти, но милостливо подавал всем помощь, дабы ищущие могли обрести Тебя. Ты многократно предлагал людям союз и через пророков учил ждать спасения. Ты, Отче Святой, так возлюбил мир, что когда пришла полнота времени, послал нам во спасение Единородного сына своего. Он, воплотившись от Духа святого и Марии Девы, жил в образе человеческого, подобном нам во всём, кроме греха. Он благовествовал нищим спасение, пленённым освобождение, скорбящим радость. Дабы исполнить Твой замысел спасения, Он Сам Себя предал на смерть, и, воскреснув из мёртвых, сокрушил смерть и обновил жизнь.

Но чтобы мы уже не для себя жили, а для Него, умершего и воскресшего ради нас, Он послал от Тебя Отче, Духа Святого – первый дар верующим, дабы осуществляя дело Его на земле, Он завершил освящение мироздания.

По храму пролетел шорох, как длинный вздох, от того, что все встали на колени.

– Итак, Господи, молим Тебя: да освятит Дух Твой Святой эти дары, что бы они стали Телом и Кровью Господа нашего Иисуса Христа для совершения великого этого Таинства, которое оставил Он нам в установление вечного союза. Ибо он сам, когда настал час Его прославления Тобою, Святой Отче, возлюбив своих, пребывавших в мире, до конца возлюбил их; и, вкушая с ними вечернюю трапезу, взял хлеб, благословил, преломил и подал ученикам Своим, говоря: примите и вкушайте от него все: ибо это есть Тело Моё, Которое за вас будет предано. Так же взяв чашу, наполненную вином, возблагодарил и подал ученикам Своим, говоря: примите и пейте из неё все: ибо это есть чаша Крови Моей, нового и вечного завета, Которая за вас и за многих прольётся во отпущение грехов. Это совершайте в память обо Мне. – Отец Вильгельм медленно преклонил колени перед алтарём. Потом поднялся, говоря: – Велика тайна нашей веры.

– Смерть Твою возвещаем, Господи и воскресенье Твоё исповедуем, ожидая пришествия Твоего.

– Поэтому и мы, Господи, совершая ныне память искупления нашего, вспоминаем о смерти Христовой и Его сошествии в преисподнюю, исповедуем Его воскресение и вознесение к деснице Твоей и, ожидая Его пришествия в славе, приносим Тебе Его Тело и Кровь, Жертву, Тебе угодную и всему миру спасительную. Воззри, Господи, на Жертву, Тобою для Церкви Твоей уготованную, и удостой милостливо всех от единого этого Хлеба и Чаши, причащающихся быть собранными Духом Святым во единое тело, да станут они во Христе жертвой живой во славу величия Твоего.

– Помяни, Господи, всех, за кого мы приносим дары наши – сказал рядом с ним отец Теодор глубоким и звучным голосом, шагнув вперёд, чтобы лучше видеть листы лекциона-

рия: – прежде всего служителя Твоего Папу нашего Иоанна Павла, кардинала нашего Джеймса Алоизиуса и всех епископов, и всё духовенство и приносящих, и здесь предстоящих и весь народ Твой, и всех искренним сердцем ищущих Тебя.

Теодор немного отшагнул назад от алтаря и передвинул лекционарий, что бы его было удобнее читать отцу Франциску.

– Помяни и тех, кто почил во Христе, и всех, чья вера была ведома только Тебе. И всем нам, сынам Твоим, милосердный отче, даруй наследие жизни вечной вместе с Пресвятою Девой Богородицей Марией, – медленно склоняя голову произнёс отец Франциск и снова выпрямился: – с апостолами и святыми Твоими в Царстве Твоём, где со всем творением, освобождённым от тления греха и от смерти, мы восхвалим Тебя через Христа Господа нашего, через Которого Ты подаёшь миру все блага.

Отец Вильгельм взял патену, поднимая её над алтарём, рядом поднял чашу отец Франциск и их голоса присоединились к голосу настоятеля:

– Через Христа, со Христом и во Христе, Тебе Богу, Отцу всемогущему, в единстве Духа Святого всякая честь и слава во веки веков.

– Аминь, – ответили все.

Джеф смотрел на отца Вильгельма, почти утрашённый. Как он в состоянии выдерживать такой разгул силы?! Вот почему у него столько смирения! – такое действительно без Бога выдержать невозможно. Почему Джеф почувствовал это только сегодня? Он испытывал настоящую зависть: получать каждый день такую подпитку! Разве можно от такого отказаться!?! Но каждому своё. О себе он мог сказать точно: он был не способен выдержать такое каждый день, он слишком увлекающаяся натура и может весьма далеко пойти в любом своём проявлении.

Видно было, как отец Вильгельм вздохнул.

Настоятель протянул руки к людям и сказал, оглядев собравшихся:

– Спасительными заповедями научённые, божественными наставлениями вдохновлённые дерзаем говорить: – тут он приостановился и посмотрел на хоры. В тишине протянулась мощная опорная нота, такая весомая, что казалось, будто её можно потрогать руками. Странно, что на органе не стали играть мелодию молитв, органист лишь дал тон для молящихся. Отец Вильгельм начал: – Отче наш...

Следом за ним подхватили все:

– Сущий на небесах. Да святится имя Твоё, да придёт Царствие Твоё, да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого.

Голоса сливались в единый низкий голос, стройный, гибко двигающийся за создаваемой ими мелодией и отдельные прожилки голосов, не очень знакомых с мелодией или просто не чисто исполняющих, не замечались, отсекаясь сознанием. Они словно создавали ореол звуков, как струны в рояле: если их настроить в один тон, то рояль будет звучать плоско, и поэтому одну струну из трех для большей части клавиш настраивают по камертону, те две, что рядом с ней чуть выше и чуть ниже. Этот звучащий нимб вокруг молитвы пригибал Джефа, пронизывая богатством звучания и ощущений.

Настоятель продолжал:

– Избавь нас Господи от всякого зла, даруй милостиво мир во дни наши, дабы силою милосердия Твоего мы были всегда избавлены от греха и ограждены от всякого смятения, с радостной надеждой ожидая пришествия Спасителя нашего Иисуса Христа.

Все закончили:

– Ибо Твоё есть царство и сила и слава во веки.

На миг молчание воцарилось под ярко освещёнными сводами. Отец Вильгельм стоял, чуть прикрыв глаза и глядя на алтарь. Потом медленно поднял голову и сказал негромко, но так чётко, что в тишине его голос прозвучал ясно. Это было как сообщение:

– Господи Иисусе Христе, Ты сказал апостолам Своим мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам. Не взирая на грехи наши, но на веру Церкви Твоей и по воле Твоей благоволи умирить и объединить её. Ибо Ты живёшь и царствуешь во веки веков.

– Аминь. – Ответили все.

Настоятель протянул руки к собранию:

– Мир Господа нашего да будет всегда с вами!

Он сказал это так радостно, что ему просто хотелось ответить на это его пожелание, с такой же радостью. Желание само оформилось в слова ритуального ответа:

– И со духом твоим.

– Приветствуйте друг друга с миром и любовью.

И Джеф повернулся, протягивая руку Николь. Она с улыбкой обняла его шепнув: "поздравляю!". Том и Марина рядом пожелали мира, и он почувствовал почти блаженство, словно преодолел сразу три ступени на невидимой лестнице. К нему подходили незнакомые люди обнимали его тоже, поздравляли, пожимали ему руку. Джеф, ещё потрясённый, старательно улыбаясь, отвечал. Под куполом поплыли звуки органа и все встали на колени, говоря:

– Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира – помилуй нас

– Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира – помилуй нас

– Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира – даруй нам мир.

Джеф стоял, склонив голову и повторяя вместе со всеми одними губами знакомые слова. Настоятель поднял хостию и чашу, вознося их над алтарём, чтобы хорошо было видно всем. Подержал так миг и сказал:

– Вот Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира, блаженны званные на вечерю Агнца, – и поставил на алтарь. – Первым прошу подойти нашего окрещённого. – И отец Вильгельм поманил Джефа пальцем.

Нервный озноб мгновенно вернулся снова. Джеф опустил голову возле маленького ограждения, чувствуя коленями холод пола, проникающий сквозь брюки. Дрожащие пальцы нащупали покрытую бархатом поверхность ограждения.

– Тело Христово, – сказал отец Вильгельм, склоняясь к нему.

– Аминь – прошептал он хрипло: снова вдруг исчез голос.

Он хотел было встать и уступить место кому-нибудь другому, но неожиданно ему на плечо твёрдо легла рука Теодора. Джеф поднял глаза на его улыбающееся лицо, покорившийся, дрожащий, вновь не видя ничего вокруг себя. Перед ним вдруг выросла огромная сверкающая чаша, прикасаясь к губам. Его ладонь положили на гладкость поверхности, показывая, что нужно самому взять её. Он не видел, кто это сделал, наверное, тоже Теодор, потому, что рука с плеча исчезла. Джеф глотнул, для чего пришлось наклонить чашу к себе – вина в ней оказалось ничтожно мало, и он испугался: хватит ли после него священникам. Вино, полузабыто, но не сильно обожгло ему глотку, прокатилось небольшим глотком, неожиданно помогая яснее ответить:

– Аминь.

Он поднялся с колен и, качаясь, как пьяный, прошёл на своё место.

Опустился на колени там, прикрыл глаза, сцепив прыгающие пальцы. Когда только эта дрожь пройдет? Вскоре рядом с ним опустилась на колени Николь, уткнувшись лбом в сложенные ладонь к ладони руки.

Он повернул к ней голову, беззастенчиво разглядывая её. Сегодня, здесь, он мог себе это позволить. После столь эмоциональной встряски.

Ему всегда было интересно, о чём она молится?

Она была так сосредоточенна, что даже не ощущала его взгляда. А он поражённый, смотрел на неё, чувствуя себя такой крошечной песчинкой под этой вселенской мощью, таким

мизерным и ничтожным, но почему-то до сих пор живым, что сейчас, в этот момент, его это поражало, и думал: и он мог так самонадеянно полагаться на свои силы?! Его изумляла Николь – как она выносит столь огромное давление, не сгибаясь и не устрашаясь? Она говорила, что христианство – тяжёлая ноша, но он сам не замечал: тяжела ли эта ноша для неё? Удивительно, он сейчас видел только то, что эта самая ноша, которая его просто размазала по полу, Николь (всегда!) поднимает настроение. Может ли он выдерживать это с такой же простотой, как она? Одно утешение – теперь он, что называется свой, ему дарована величайшая, просто необъятная милость небес. Помощь.

Как это там его бабушка говорила? Он заимел "благ", возможность обратиться за помощью в первую очередь. Николь повернулась и посмотрела на него. Они одновременно поднялись с колен и сели на скамью: над ними плыл гимн.

– Сядьте, дорогие, – все сразу задвигались: начинался отпуск народа и объявления, над рядами сидений прошелестел шёпот. Настоятель спокойно дождался тишины, наступившей спустя несколько мгновений. – Несколько объявлений. Я вижу, вы уже оживились. Ну ещё бы, да? Расписание рождественских месс вы найдёте на доске объявлений, если кто не видел. У нас на следующее воскресенье намечено венчание Марты и Стефана, если кто-то хочет освятить свои дома, то сейчас самое время пригласить священника в гости. Хочу и сам пригласить желающих в паломничество: оно не отнимет много времени, можете подробности узнать у отца Теодора. Наверное – всё, – он простёр вперед и вверх руки, повернув их ладонями вниз:

– Господь с вами.

Все встали.

– И со духом твоим.

Отец Вильхельм поднял выше правую руку, прижав левую к груди, улыбнулся и с внушительно-медленной торжественностью благословляя всех, сказал:

– Да благословит вас Всемогущий Бог Отец и Сын и Дух Святой.

– Аминь.

– Идите с миром, месса совершилась. – Сообщил настоятель.

– Благодарение Богу.

Спокойный гимн, протекал сквозь душу, неся утешение и смягчая облегчение. Священники поцеловали алтарь обошли его, дружно преклонили перед ним одно колено и, пропустив вперед министрантов, вышли один за одним. Отец Вильхельм, как предстоятель вышел последним. Гимн таял в вышине под потолком и Джеф своей обострённостью услышал из ризницы призыв настоятеля: "Восславим Господа" и священники приглушённым хором ответили: "Благодарение Богу". Потом послышался вопрос Рея: "О, а что тут за вода?" и ответ Теда, явно растерянный – "Вон, смотри, колба со святой водой. Взорвалась просто".

К Джефу всё продолжали подходить люди, пожимали ему руки, обнимали его, поздравляли, некоторые были знакомы: с кем-то он подружился на занятиях Теда, многих не знал вообще.

Психологически измочаленный, он только молчал, улыбаясь, стараясь хоть этой улыбкой не обойти никого. Пришли уже переодетые Рей и Теодор, обнять его. Смеясь и подшучивая над ним, похлопывали по плечам. Не преминули тут же подкусить его по поводу сосредоточенного молчания, насмешив и тем самым вынудив расслабиться, успокоившись. Подошёл и отец Вильхельм, сказал, обнимая его:

– Как дела? Жив?

– Жив, – выдавил Джеф.

Наконец поток поздравителей иссяк, и он рухнул обратно на скамью рядом с Николь.

– Ну, может ты теперь благоволишь принять и моё скромное поздравление? – насмешливо поинтересовалась она.

И поцеловала его, обняв. Потёрлась носом о его щёку, не заботясь о том, видят ли её родители, разговаривающие с настоятелем.

– Что дальше по плану? – Полюбопытствовал Стив, стоя позади и зевая. – Ты к нам? Мы к вам? Или все по домам?

– Какая проза! – Засмеялась Нора. – Эй! Ты не забыл, завтра рождество? Тебя поднимут дети ни свет, ни заря. Поедем домой отсыпаться – нам ещё целый час отсюда добираться.

– Ужин ребята. В кругу семьи. Вы как, с нами? Домой всё равно успеете.

– Нет уж, Джеф. Мы поедем, вспоминая твою залитую счастьем физиономию, – серьёзно сказал Стив.

После их ухода Джеф, оглядел повнимательнее Тома и Марину и решил, что и ему тоже пора сваливать. Он отказался от предложения позднего обеда и счёл, что поступил правильно, заметив, как Том облегчённо вздохнул. Джеф ободряюще посмотрел в глаза Николь, сразу и сам неожиданно приунывший. Она чуть поморщилась, недовольная, но промолчала. Устроилась на заднем сидении "кадиллака", неотрывно глядя, как он закрывает возле неё дверь и остается стоять рядом с машиной. Джеф показался ей грустным. Но у неё самой было на душе такое столпотворение чувств, что она не знала, как его утешить. И правда, не улыбаться же ему во весь рот, как глупая дура – вон у него стали вдруг такие глаза печальные. Она выпрямилась на сиденье и, описав пальцем полукруг, приложила руку к уху, словно держала телефонную трубку, в знак того, что она ему позвонит. Джеф покивал, чуть улыбнулся и тут машина тронулась. Николь проводила его глазами, оставшегося на стоянке, потом он пошёл к «Дьяволу», и она успела во тьме рассмотреть, как он привычно расправил плечи и вскинул голову. Она откинулась на спинку, поглядывая на родителей. Они полулениво-полуутомлённо обсуждали мессу и проповедь.

Так странно: разные люди на проповеди улавливают разные вещи – Николь сегодня услышала, как отец Вильгельм сказал: "Вы свет миру! Несите в мир свой свет, покажите миру пример христианской любви, начните со своих близких". Это её огорчило.

А сейчас мама, повернув в сторону папы точёный профиль рассказывала, как поразили её слова о семье. Что пример семьи – святое семейство. Что иногда надо без рассуждений доверять друг другу, как Мария доверилась Иосифу и отправилась с ним в Египет, с маленьким ребёнком на руках и как Иосиф доверился ей и не отказался от неё.

Папа посмотрел на неё, похмыкал и заявил, что её непроходимый романтизм не даёт ей возможности увидеть истину. Она сама всё приукрашивает в своей голове, тем самым искажая факты. Он сказал это таким странным тоном, что если бы такое сказал Джеф, то получил бы от Николь, по меньшей мере, пощёчину. Но только Джеф так в жизни не скажет. Он и другие слова найдёт, и тон подобный в никогда в разговорах с Николь не использовал.

Странно, но мама даже не стала возмущаться. Совсем ничего не сказала, лишь отвернулась к окну. Николь точно знала: она обиделась, а папа и не заметил. Он спокойно вёл машину и рассуждал о том, что проповедь была как две капли воды похожа на прошлогоднюю и что и ему понятно, что в семье должно быть доверие и любовь. Если у Николь ещё и оставалось какое-то желание праздника, то после подобного разговора оно улетучилось неизвестно куда.

Отказавшись от позднего обеда, она поднялась в себе и плюхнулась в ванну, ощущая такую усталость во всём теле, что ей показалось, что она сейчас заснёт. Такая скука тут! И это – сочельник! Никаких тебе маленьких домашних радостей, гостей, которых ты приглашаешь сама и всевозможных сюрпризов. Всё, детство закончилось, можно не тратить на демонстрацию любви к тебе и надсадно-улыбчивые кивки. Николь даже не было грустно от этого, как ни странно. Напротив, её где-то в глубине переполняла такая спокойная радость, что она с удовольствием осталась одна: хотелось подумать о Джефе. Огорчало только то, что она не успела насладиться его радостью, узнать его ощущения. Теперь оставалось только ждать, когда можно будет ему позвонить: Джеф всё равно ещё не доехал. Ему дальше от церкви, чем им.

Она вытянулась, откидывая голову: жаль, что у неё тут не так просторно, как у Джефа. Там всё подобрано с учётом его роста. И длина ванны соответствует. Джеф часто совмещает отдых с мытьём. И как только он спит в воде? Тут Николь услышала мелодию "Темной ночи" и выскочила из ванны, расплескивая воду. Джеф! Наконец-то!

– Я думал, ты уже спишь, – сказал он.

Она вернулась назад, вздрагивая от холода, гуляющего по мокрой коже.

– Я не сплю. Я сижу в воде. И я скучаю.

– А я-то как тут без тебя скучаю, – засмеялся он.

Смех был легкий, но невесёлый. Николь стало приятно. Он скучает, и она ему нужна! Она закрыла глаза, представив его волосы, когда он стягивает со своего хвоста резиночку. Хотелось зарыться в них пальцами и лицом, как она делала в госпитале. Как он сейчас далеко!

– Знаешь, я рада, что ты окрестился. Я хочу быть сейчас с тобой, а вместо этого валяюсь здесь в ванне и думаю о том, как ты спишь в воде, – призналась она тихо. – У меня тут зелёная от соли вода и лужи на полу.

Спрашивать его о том, что он сегодня чувствовал не хотелось, хотелось видеть его глаза, когда он будет это рассказывать.

– А я жую курицу, которую ты мне честно оставила, – сообщил Джеф. – Без тебя жевать не интересно. Чтобы не утомлять тебя чавканьем, желаю тебе спокойной ночи.

– Приятного сна, – засмеялась Николь.

Она ещё повалялась так, уже бездумно, просто представляя перед собой лицо Джефа. Как он хлопает ресницами и двигает челюстями. Когда он жует и думает о чём-то, он ей всегда напоминает ёжика. Хотя, конечно, здорового Джефа трудно представить в виде маленького ёжика, но если ты сама размером с муравья рядом с Джефом, то сравнение соответствует. У ежей всегда, когда они жуют, такой же сосредоточенный вид и комично надуваются щёки.

У Николь был ёж, когда она жила у бабушки. Мама терпеть не могла, когда он носился по ночам. Ёж-ёж, а топает своими ногами не хуже быка. Днём он почему-то любил спать. Однажды Николь хотела проследить, что он будет делать и посмотреть, какой у него вид, если смотреть на него с полу. Но как назло заснула, а ёж, устав носиться и вылакав всё своё молоко, устроился спать в её волосах. Тогда Николь впервые и единственный раз коротко подстригли. Правда, ей повезло: она додумалась взять на пол подушку, и ежу не удалось докатиться до её макушки – он устроился у плеча. И поэтому стрижка получилась вполне приличной.

Потом она вспомнила, что разговаривала с миссис Джонс, как побыстрее сдать тесты и узнала, что многое можно сдать заранее. Спать уже расхотелось. Наоборот: её вдруг обуяла такая жажда деятельности, что захотелось тут же подскочить и посмотреть, что там за темы предложены для сочинений.

Николь и подскочила, поспешно натянула старые узенькие джинсы и топик. После ванны работа шла неожиданно хорошо: Николь сама от себя не ожидала, что она так плодотворно столько настряпает. Пожалуй, это оттого, что ей позвонил Джеф. Она очнулась только тогда, когда Том постучал в её комнату Николь и вошёл, услышав её: "Avanti!"

Он был какой-то странный сегодня, папа. Спокойный вроде бы, но, кажется, его что-то или тревожило, или нервировало. Он с полускрытым сарказмом оглядел Николь, всю её комнату, присмотрелся к картинке на её экране. Это было неприятно – Николь всегда раздражало, когда стоят за плечом и смотрят, что она делает, читают, что она пишет. Она легко переносила такое только когда рядом стоял Джеф. Но папа – не Джеф.

Так и хотелось спросить: "Ну, что?" Но она промолчала: папе недовольство лучше не высказывать, особенно, если он в таком "повешенном" состоянии. Её настроение стремительно падало и скорость этого снижения соответствовала времени стояния отца у её кровати.

Она решила, что он сейчас спросит, почему она валяется на кровати, а не сидит за столом. Не объяснять же ему, что её биологическая организация просто не позволяет ей в конце

месяца спокойно сидеть на стуле, а вынуждает проводить день-два лежа. Да, завтра ей предстоит тяжёлый день.

Том рассматривал её сверху. Приятно было, что она занята уроками, если бы только ещё их делала вовремя, а то потеряла столько времени, что сейчас, как ни старайся, всё равно блестящих успехов уже не добиться. Слишком много пробелов в её школьных знаниях. Эти пробелы его огорчали.

Николь лежала на животе на кровати, поставив перед собой клавиатуру от компьютера и печатала что-то, поглядывая на экран сдвинутого на край стола монитора.

– Что ты не спишь так поздно? – Спросил он.

– Сейчас, – бросила она, торопливо стуча клавишами.

– Что ты там барабанишь? – Снова поинтересовался он и сразу посоветовал – Лучше бы уроки учила. А то и средний диплом не получишь, так и будешь неучем.

– Очень мне нужен средний диплом, – отмахнулась, качнув головой Николь, – что я, не человек что ли?

– Ты б хоть убрала тут немного, целыми днями валяешься сломя голову, – окинув снова взглядом нагромождения на столе и подоконнике, сердито сказал он. Неужели не понятно: сидя за столом работать удобнее, а у неё тут просто свалка.

Повернулся, чтобы получше рассмотреть, что она делает, но в тесноте задел локтем стопку книг. Книги шумно попадали на пол. Тома это разозлило.

– Мне так нормально. Я занята, – снова отмахнувшись и от шума, и от Тома, равнодушно сообщила Николь, продолжая стучать по клавишам. Уже заключение, ещё немного и сочинение готово. Досадно, что папа пришёл с мысли сбивать. – Может, мы потом всё это выясним, а?

Ссориться ей не хотелось, и она примиряюще предложила, не глядя на Тома:

– Я сейчас закончу и уберу, мне чуть-чуть осталось.

– Что тут выяснять, знаю я эти твои чуть-чуть. Я сказал, что у тебя должен быть порядок, а ты как не слышишь! – Повысил голос Том.

– Да уберу я! – Воскликнула Николь, невольно оглянувшись на его раздражённый тон и оглядев отца с самым сердитым видом.

Том вспыхнул, как факел. Её наплевательское отношение к его распоряжениям всегда действовало ему на нервы. Он резко отшвырнул клавиатуру от Николь, чтобы заставить её обратить внимание на него и его требования.

– Сначала уберу, потом заканчивай.

Николь села на постели и хмуро уставилась ему в глаза.

6

Мало того, что он, надувшись как индюк, сидел и выступал в машине, так ещё и сейчас орёт. Что, делать нечего, что ли? Может он забыл, что сегодня сочельник? И что, она должна вскочить и сейчас же заняться уборкой? Дура, с чего это она решила, что он стучит, чтобы пожелать ей спокойной ночи?

– Ну? – Требовательно произнес Том.

Николь поднялась, смирившись с неизбежным. Лучше уж не дёргаться, она обещала Джефу не ссориться с отцом. Шевелиться было тяжело. Она наклонилась за клавиатурой и в этот момент Том нетерпеливо выдернул шнур системного блока из розетки. Николь взвизгнула в отчаянии, распрямляясь. Столько времени кропотливого труда! Чёрт! Пятнадцать страниц текста! Она и половины ещё не сохранила!

– Я сказал, наведи порядок, – твёрдо напомнил Том.

– Что ты наделал! – С горечью закричала взбешённая Николь. – Ты всегда всё ломаешь!

– Посмей ещё осуждать мои действия! Что тут у тебя ломать? Увешала всю комнату всякой дрянью!

– Ты же сам сказал, чтобы я не занималась ерундой! – Сердито напомнила ему расстроенная Николь. Бесплезно! Всё просто бесплезно: с папой мирно жить никак не получается! – Вот я и убрала всё. Повесила плакаты: ты же сам предложил! Что тебя теперь-то не устраивает?

Том, морщась, оглядел её негодование.

– Как мне надоели твои истерики! Жить стало просто невозможно! – Бросил он, выходя из комнаты.

Николь стало грустно, до слёз. Пока папа её разглядывал и ругался, она попыталась прочесть "Радуйся", но не успела и не в силах сдержаться, всё-таки ответила:

– С твоими истериками, можно подумать, уживёшься, – ну совсем же негромко уронила. Но Том тут же вернулся. Произнес угрожающе:

– Ты мне ещё поговори! Чтобы через полчаса было всё убрано.

– Сам уберёшь, – бросила разозлённая Николь, чувствуя, что её все-таки понесло.

– Я что тебе сказал? – Повысил он голос снова.

– Ты же сам здесь всё расшвырял! – Крикнула она. – Я не собираюсь сейчас убирать за тебя. Уже поздно. Я устала. Ты вламываешься, уничтожаешь мою работу, разбрасываешь мои вещи, а я виновата?

– Ах ты, маленькая дрянь! – Заорал Том. – Смеешь тут что-то ещё мне вкаты! Оцениваешь мои поступки, попрекаешь отца, не слезши с горшка! Сначала вытри нос!..

– Пошёл ты, – холодно процедила Николь и тут же её голова мотнулась от крепкой пощёчины.

Испуганная от неожиданности, она перепрыгнула через кровать, к шкафу, одновременно проводя языком по губам и проверяя зубы. Схватила за щеку, напряжённо шурясь. Во рту было противно – кажется, она прикусила язык.

Ну и поделом, сама виновата, молчала бы, правда что. Жалко. Какое теперь Рождество? Что-то папа со злости здорово её треснул.

– Сама пошла! – Том едва сдерживался. – Как смеешь ты так говорить со мной, кто я тебе: отец или первый встречный?!

– Да сию же минуту отсюда свалю! – Крикнула Николь. – Об этом только и мечтаю! Думаю, не расстроишься! Ты всегда хотел от меня избавиться.

"Ты в сто раз хуже самого гадостного первого встречного" – хотелось сообщить ему. В самом деле, какого чёрта она тут делает? Нужно просто убраться отсюда и жить у Джефа, не

будет таких проблем. Жать только, что тогда проблемы будут у Джефа. Уж папа постареется. Придётся терпеть, фиг ещё отсюда уйдёшь.

Марина, привлечённая из столовой их громкими голосами, торопливо поднималась по лестнице. Спрашивать по пути в чём дело было бесполезно, всё равно не услышат. Что там между ними опять произошло, если так взбесился Том? Николь просто мастер вызывать его недовольство.

– Ах, значит мечтаешь? Так вперед, скатертью дорога! – Громогласно возмутился Том, запуская в стену клавиатуру, не вовремя попавшую ему под ноги. Белые квадратики клавиш брызнули в стороны весёлым веером. – Катись давай к чёртовой бабушке, хоть к своему Джефу!

– Что ты говоришь, Том! – Вскричала Марина, подбегая к дверям комнаты Николь. – Как ты можешь такое говорить?

Том, ругаясь, сбрасывал со стола горы учебников, бурча что-то себе под нос. Всё старательно разложенные по тексту листы разлетелись веером. Николь, не глядя, запустила руку в шкаф и вытянула с полки свитер, наученная прежним горьким опытом.

Марина оглядела их испуганно.

– Что у вас творится? – Её и не заметили в пылу ссоры.

– Куда-то собираешься? – Интересовался в этот момент Том между делом: он сдёргивал со стен плакаты музыкальных групп: после того, как она снимала свои картины, все стены заняли глянцевые лица поп-звёзд. – Надоело любоваться на все эти рожи?

Николь молча натягивала свитер. Бесполезно объяснять, что её нервировали эти голые стены. Что в пустой комнате она терялась от одиночества. Что просто хочется быть окружённой лицами людей. Если не написанными ею, то хоть отчасти знакомыми. Папу это не интересует. И какого чёрта, спрашивается, ему нужно знать, куда она собралась? Он же только что её выгнал! Она осторожно перебралась через кровать, рискуя приблизиться к отцу. Нужно же как-то выйти отсюда.

Том оглянулся, недовольный её молчанием, окинул её взглядом, определяя, чего она хочет. Решив, что её приближение явно не жест послушания, резко поймал Николь за плечо. Она замерла, боясь вырваться из его цепких пальцев. Может, лучше не дёргаться? Фиг его знает, что в следующий миг придёт папе в голову.

– Я с кем разговариваю? – Том бросил последний плакат, занимавший другую руку, и крепко схватил её за волосы, чтобы заглянуть в её глаза: подставляет для беседы макушку и всё тут. – Куда это ты собралась?

– К чёртовой бабушке, ты меня только что сам туда отправил, – морщась, ответила Николь, наклоняясь вслед за его рукой.

Марина ахнув, кинулась к ним.

– Боже мой, отпусти её, Том!

Том легко отшвырнул Марину в сторону, и она с размаху села на кровать. Она всё-таки отвлекла его, и он ослабил свою хватку. Николь вырвалась. Отпрыгнула к двери, растрёпанная, с горящими глазами. Окинула Тома ненавидящим взглядом. Одна щека её пламенела и лицо казалось белым, как мел. Том оглядел её, медленно остывая. Николь присела на корточки, торопливо собирая своё драгоценное первое сочинение, которое она распечатала. Можно будет потом разложить снова, хорошо хоть – всё упало в одной куче.

Марина почувствовала под собой какую-то выпуклость, пошарила рукой: пальцы наткнулись на телефон Николь. Она потянулась было отложить его в сторону, переводя взгляд со злобного Тома на перепуганную Ники и вдруг вспомнила. Вернее, даже не вспомнила: голос Джефа произнёс в её мозгу: "просто скажите "Марина", я пойму". Судорожно сжала пальцы на телефоне, мелькнула мысль – а как же номер? И тут же возникла уверенность: кроме Джефа Николь сегодня вряд ли звонила ещё кому-то.

Марина нажала на повторное соединение.

– Когда только кончится весь этот идиотизм! – Интересовался сам у себя Том. – Как мне надоели твои дурацкие увлечения! – Он со злостью швырнул на пол длинную вазу, стоящую рядом с монитором, в которой торчала высохшая роза, показывая, как именно его действительно всё достало.

Николь берегла эту розу, потому, что её подарил Джеф, и потому, что она иногда забавно шелестела под дуновением воздуха из форточки. Видимо её лепестки внутри высохшего бутона осыпались и свободно держались, потому она и шелестела даже на слабом ветру. Розу Николь было явно жаль. Она хмуро проводила её такими глазами, что Марина искренне посочувствовала ей. Том расправлялся с остальными сегодняшними камнями преткновения. Марина услышала: её вызов, наконец, прошёл, когда Том, шагнув к Николь, попытался снова схватить её, но она увернулась. Он поймал лишь стопку листов, зажатую в руке. Николь сразу её отпустила, решив, что лучше потерять свою работу, чем опять испытывать боль от вырывания волос или ещё чего похуже: неизвестно, какая идея всплывёт у папы. Теперь надеяться на мирный исход уже не приходилось.

– Это моё сочинение. – Всё-таки объяснила она.

Том автоматически взглянул на распечатку. Николь воспользовалась моментом и выскочила из комнаты.

– Куда? – Крикнул вслед Том, выскакивая за ней. – Сочинение забыла!

– Марина, – негромко сказала Марина в трубку, следя за ними глазами.

– Сейчас, – успела услышать она, прежде чем нажала сброс.

Николь мгновенно проскочила коридор и ринулась вниз по лестнице. Том раздражённо швырнул ей вслед её труды. Листы далеко заскользили по воздуху, как стая плоских самолётиков, достигая поворота лестницы, удачно направленные крепкой рукой. Марина, вскрикнув, бросилась следом за Николь. Том извернулся и поймал её за предплечье, больно сдавив пальцами локоть.

– Пусть чешет, – сказал он ей сердито. – Нельзя мешать людям делать глупости. Люди учиться умеют только на своих ошибках. Всё равно далеко не уйдёт.

Николь рушилась вниз, перескакивая через три ступени с полным равнодушием. Разлетевшаяся стопка бумаги сослужила ей плохую службу: левая нога поскользнулась на листе, правой она зацепившись за собственную штанину, попав пяткой на край ступеньки. Ноги неожиданно подломились и Николь упала. Она попыталась хоть как-то сгруппироваться, но во время падения ей это не удалось, и она проехала на боку вниз головой до подножия лестницы, даже не пытаясь остановить движение и пересчитывая острые лестничные ребра. Том только фыркнул сверху, наблюдая её стремительный спуск.

– Далеко же ты ускакала, лягушка-путешественница!

Это было тем более обидно, что она сама себе так помогла. Николь, ничего не отвечая, торопливо поднялась и неровной походкой побрела к вешалке.

Марина вырвала руку из цепких пальцев мужа.

– Ники, куда ты? – Перепугано окликнула она.

– Найду, куда деваться, – с холодным спокойствием сообщила Николь.

– Подожди! – Закричала в отчаянии Марина, торопливо спускаясь за ней.

– Да не беспокойся ты, мама, я к бабушке могу поехать, раз уж вам так важно беречь мою нравственность, – ядовито бросила Николь.

Какое озеро, бабушка? Джеф. Господи, Джеф! Пожалуйста, пожалуйста! А ведь она пообещала ему, что постарается не провоцировать скандалов! Да она просто несдержанная лживая дура. Прихрамывая, Николь топталась возле вешалки, надевая свою белую короткую шубку, крайне недовольная собой. Потом взялась натягивать кроссовки. Наверное, она ещё и ногу растянула – так больно! В сапоги точно не влезть. Не притронешься. Надо бы взглянуть, пожалуй, но джинсы быстро не завернёшь, да и рассматривать ещё тут, на глазах у папы...

Решит, что она снова из себя что-то строит, вымаливая сочувствие. Пришлось сесть на пуфик возле входа: стоять и обуваться было нестерпимо.

– Я тебе сейчас свалю посреди ночи! – Сказал угрожающе Том с лестницы, неспешно топая вниз.

Николь коротко взглянула на него, не отвечая. Ну вот, спускается. Ещё ничего не кончилось. Шуба мешала. Пришлось снять, уронив её тут же. Том удовлетворенным взглядом проследил, как упала шуба и свернул в столовую.

Николь завязала, наконец, кроссовки, слабо, чтобы не давить на ногу. Потом надела шубу снова. Она открыла дверь и вывалилась в холод ночи. Марина, раздетая выскочила следом. У ворот стоял "Дьявол", Джеф открывал дверцу. Наверное, он только что приехал.

Господи, Джеф! Николь даже не удивилась, направилась сразу к машине, испытывая полное опустошение.

Хотелось сесть, вытянуть ноги, закрыть глаза и не шевелиться. Надо же было так сорваться!

Когда Джеф проводил глазами "Кадиллак", на него вдруг навалилась тоска. Странно, спать не хотелось, наверное, он настолько был взвинчен сегодняшней встряской. Он вёл машину, рискованно обгоняя всех, кто оказывался перед ним и сам не замечал этого, просто требовался пустой эшелон. Впрочем, позднее время само по себе освобождало путь. Он смотрел вперёд, а в голове почему-то крутилось: "Вот, я бедняк пред Тобой, всё богатство, в руках, готовых с Тобой трудиться и в чистом сердце. Я отдам, всё что попросишь, мои руки и капли пота, сердца жар, одиночество жизни". Ну, вот. "Радуйтесь" надо петь, а к нему что-то совсем не рождественский гимн прилип. Джефу неожиданно пришло в голову, что все эти его утренние размышления подвели к признанию одиночества. Он раньше не придавал этому значения. Один и один, что с того? Видимо, просто потому, что так остро оно не ощущалось до появления Николь. Старая шутка о том, что одиночество – это если ящик электронной почты завален письмами роботов, вдруг выросла в истину в этой своей объёмности.

Так. Вот оно, ОДИНОЧЕСТВО. Тяжеловесное до неподъёмности. Опустошительное в своей полноте. Как могло так получиться, что он даже не осознавал раньше, насколько он одинок? До прихода в его жизнь света, который подарила Николь, он и не представлял глубины этого чувства.

Не было в нём сейчас ни удовольствия, ни облегчения от крещения – только хмурое молчание окружало его в тишине ночной дороги. Гулкое, оголённое, пустое пространство жило в нём теперь, когда он остался без присутствия рядом Николь и Бога. Он чувствовал себя покинутым, не заброшенным, нет, просто оставленным на время. И эта таинственная пустота была в нём так томительна, наполняя сердце грустью, что Джеф походил по квартире, не зная, как унять эту сосущую боль. Попробовал поесть – одному было невкусно. Он вспомнил, как делал утром разноцветное желе, чтобы Николь было приятно.

Добрался до телефона, не в силах вынести больше этот груз. Позвонил, думая про себя: "Она уже спит, что я делаю? Ну и что, что предложила позвонить? Раз сама не позвонила, значит, устала". Николь ответила. Было таким облегчением услышать её голос, что одиночество провалилось куда-то, вместе с проглоченным куском курицы. Растворилось бесследно в глубине сознания и осталось только ощущение удовольствия оттого, что он не один, невзирая на расстояние между ними, что Николь тоже скучает без него и что она рада его крещению.

Он, успокоенный, сунул курицу в холодильник, вытянулся на прохладе постели. Лежал не шевелясь, ожидая, когда навалится сон, привычно расслабляясь в этом ожидании. Едва он заснул, провалившись в мягкие пучины тьмы и удобства, как над ухом грянул звонок. Уже давно отошли в прошлое времена, когда он тянулся к трубке, размышляя о несправедливости мира. Сейчас это ему и в голову не приходило.

– Коган, – привычно сообщил Джеф с закрытыми глазами.

– Марина, – услышал в трубке.

Сначала он не понял: какого чёрта она ему звонит среди ночи? Потом воспоминание о давнем разговоре вышвырнуло его разом и из сна, и из постели.

– Сейчас, – сказал он. – Через три минуты выезжаю. Плюс двадцать на дорогу. – Но в ответ услышал одни гудки.

Сунул одновременно обе ноги в штанины. Вроде бы всё же сегодня было нормально? Или он что-то пропустил?

Даже говорить не стала. Что там происходит? Неужели опять? Неужели опять? Как часто у них подобные эксцессы? Или только по праздникам? Последний был на день всех святых и вот – снова. Не жизнь – угловая болтанка.

Едва он, опираясь на руки, выпрыгнул машины, на крыльце появилась Николь. Торопливо пошагала навстречу. В темноте не получалось толком рассмотреть выражение её лица. Следом бежала Марина. Николь успокоительно дотронулась до руки Джефа, пока он открывал ей дверцу. Быстро устроилась на сиденье, и сама потянулась закрыть дверцу, словно закрываясь, отгораживаясь от мира. Подошедшая Марина остановилась, глядя на Николь.

– Что случилось?

– Опять поругались, – огорчённо махнула она рукой.

Джеф тоже посмотрел на Николь сквозь ветровое стекло. Она в освещённом холоде кабины глянула ему в глаза и опустила голову, копясь в кармане. Нельзя сказать, чтобы она была сильно взвинчена. Досады, пожалуй, полно и расстроена явно. Что опять Том сделал? Стоило только о нём подумать: на крыльце появился Том. Джеф увидел полосу света, мелькнувшую от открывшейся двери. Пошёл ему навстречу. Услышал, как Марина двинулась следом.

– Ну, как же тут без Джефа Когана! – Засмеялся Том, хлопа его по плечу в приветствии. – Почему я даже не удивлён? Ночами под окнами уже дежуришь, Джеф?

– Да не сказал бы, – поморщился Джеф. Не ясно было: знает или нет Том, что ему позволила Марина. – Но охота хуже неволи.

Том усмехнулся.

– Значит, твоя очередь выдерживать перегрузки. Ники, как я понимаю, вдруг собралась рождественские каникулы провести у деда? – Спросил он, поворачиваясь к Марине.

Она только вздохнула, стоя рядом в темноте. Сказала, поёживаясь:

– Туда путь неблизкий. Подождите, я принесу вам что-нибудь перекусить, – она снова вздохнула и, не дожидаясь согласия Джефа, заторопилась в дом.

Том вытащил из кармана сигареты, сунул одну в рот, хлопая себя по карманам в поисках зажигалки.

– Вот так всегда. Забыл в пиджаке. – Он тоже вздохнул, длинно и шумно. – Нет ничего хуже дурной привычки.

Он оглядел Джефа, словно в поисках понимания.

– Согласен, – уронил Джеф нейтрально. – Сам был грешен. Еле избавился.

– Счастливчик, – засмеялся Том. – Вот женщины. Ради них даже бессонный сочельник.

Таинственная тишина окутала их. Том молчал, передвигая во рту сигарету.

Что, так ничего и не скажет больше, что ли? Приглушённо хлопнула дверь, они разом оглянулись. Поглядывая себе под ноги, по крыльцу спускалась Марина, нагруженная корзиной для овощей, прикрытой чем-то белым.

– Когда у тебя дежурство? – Поинтересовался Том.

– Через трое суток, – мгновенно посчитав, сообщил Джеф.

Вряд ли Тома интересует, сколько точно времени осталось до следующего дежурства: людей чаще волнуют их собственные проблемы, чем чья-то жизнь. Джеф и сам в состоянии

придумать, как прожить свободные пятьдесят девять часов и тридцать минут, без чьих-то отстранённых советов.

– Смотри, устанешь, если там задержишься: это ж четыре часа езды. Хотя ты на этом, – он кивнул в сторону машины. – Может, и ускоришь процесс. Но сильно не гони.

Джеф только мысленно хмыкнул. И что, даже не пришло в голову спросить, какие планы у самого Джефа? Никуда сейчас ехать он не собирался.

Марина вручила ему корзину и сердито шепнула, словно сама себе:

– Что за идея раскатывать среди ночи?

Они тут что, одновременно спятили?

Том снова похлопал Джефа по плечу и потянул замерзающую Марину в дом. До Джефа донеслось его негромкое: "Разве можно её уговорить принять разумное решение? Бесплезно ей давать советы сейчас. Оставь её в покое."

– Говорят, ты путешествовать собралась? – Вопросительно посмеиваясь Джеф, в обнимку с корзинкой, устраивался на сиденье.

В нём плескалось облегчение от радости, что Николь с ним. Что бы там у них ни случилось – сейчас она тут и дальше с ней будет всё в порядке.

– Можно было у меня спросить, – буркнула она в воротник.

– У тебя плохое настроение? – Поинтересовался он.

– Очень, – не шевельнувшись и так же резко ответила она. – Я просто вне себя от злости, мне очень обидно, я устала и хочу спать. У меня всё болит и мне плохо, поэтому хочется покидать в стену всё, что лежит на тумбочке.

Джеф, качнув головой, заглянул в корзинку. Там, прикрытые салфеткой уютно устроились пирожки.

– Хочешь? – Предложил он Николь.

Продемонстрировал содержимое приношения Марины. Она едва взглянув, покачала головой.

– Ты могла бы покидать в меня, – объяснил он.

Николь снова качнула головой, не улыбувшись.

– Это же хлеб.

– Понял, – Джеф переставил корзинку, задвигая между спинками, чтоб не мешала, потянул дверцу.

Наклонился к Николь, пристегивая её ремни. Она быстро положила голову ему на плечо, пряча лицо где-то у него за ухом. Джеф замер. Потом тихонько обнял её, прижимая к себе. Николь вздохнула, чувствуя, как он гладит щекой её волосы.

– Извини, – еле слышно сказала она. Наконец потекли противные слезы и Николь закрыла глаза, боясь разлить их. – У меня опять не получилось погасить ссору. Я взбесилась до последней степени, когда папа выключил машину и грохнул мне всё моё сочинение.

– Не переживай. Можно покопаться и найти. Это – восстановимо, даже если не в полном объёме, то весьма весомая часть, – тихо заверил Джеф.

– Я не найду.

– Я найду.

– Значит, надо поискать, – вяло согласилась Николь.

Сейчас ей уже стало всё равно. Сгорело желание его закончить. Но всё же это было утешительно.

– Я не собираюсь никуда ехать среди ночи, – предупредил её Джеф.

– А я вообще собиралась пешком к тебе пойти, – ответила она.

Джеф нежно провёл ладонью по её щеке, благодарный за это полувывыказанное согласие вернуться домой. Ощутил слёзы. Почувствовал, как она открыла глаза: мокрые ресницы задели его пальцы. Заглянул ей в лицо, наклоня голову и подавшись к ней.

Николь шевельнулась, откидываясь на спинку сиденья.

– Поехали отсюда, – поморщившись, попросила она.

Том, наблюдая за ними в окно, звучно щелкнул пальцем по стеклу.

– Что они там делают? Целуются же! Стоят же. А то он бы уже рванул, этот гонщик.

– Скорее, Джеф вытирает полотенцем из корзинки солёные потоки, чтобы не залило тормоза, – съязвила Марина.

– Мне надоели твои защитные речи, – хмурясь, развернулся к ней Том. – Скажи спасибо, что я не стал принимать других мер.

В машине Николь всё время пыталась изменить положение, потому, что на эмоциональное опустошение теперь наложились телесная боль. Болела спина, вся левая нога, начиная от бедра. Загнав машину в гараж, они молча поднялись на лифте наверх, одновременно следя за светящимся индикатором этажности. Пока Джеф открывал дверь, Николь сказала:

– Так пить хочется. И голова болит.

– И настроение плохое, – согласился Джеф.

Она хмыкнула, потому, что это было смешно, только не смеялось. Говорят, правдивые шутки кажутся грустными. Джеф пропустил её в тёмный холл, зашёл следом, привычно проводя рукой по стене. Чёрт. Это там в этом месте был выключатель. Здесь всё по-другому. Пошарил где нужно, включил свет. Подождал, пока Николь медленно расстегнёт застёжки на шубе и, не выдержав такого темпа, начал ей помогать. Избавил её от одежды, ловко пристроил шубу на плечики в шкафу.

Сказал:

– Сейчас, – и, снимая по дороге куртку, быстро пошёл вперёд.

Сейчас принесёт воды. А куртку бросит где-то в кресле. Николь следила за ним глазами: точно. По дороге поставил на журнальный стол корзинку, положил на тёмный подлокотник кресла куртку, проходя мимо. Интересно, почему он выбрал тёмное кресло – ему было ближе швырнуть куртку на светлое?

Она, едва войдя в гостиную, опустила диван и взялась закатывать штанину. Морщилась, задевая джинсовыми складками кожу. С ногой всё было в порядке. Ни синяков, ни царапин. Только небольшая опухоль прямо на кости. Странно, чего ж тогда так болит-то? Она осторожно потрогала и отдернула тут же руку, морщась. Рядом поцокал языком Джеф. Николь подняла глаза. Он, напряжённый, сидел перед ней на корточках и, опершись о пол коленом, держал бокал в белой жесткой салфетке. Они посмотрели друг другу в глаза.

– Опять? – Спросил тихо Джеф. – Чем это?

Стив бы сказал: "зуб даю, хороший пинок!"

Николь покачала отрицательно головой. Взяла из его руки бокал, проглотила махом всю воду. Джеф, глядя, как она пьёт, раздражённо бросил салфетку на журнальный стол, испытывая острую злобу от бессилия и жалости.

– Лестницей, – сообщила, наконец, Николь. – Я сама. Правда, я просто упала.

Некоторое время он так пристально смотрел на неё, медленно дыша, что она сначала решила, что он ей не верит и только через несколько секунд сообразила: он просто пытается успокоиться. Николь слабо улыбнулась в ответ на его беспокойство о ней, испытывая непреодолимое желание его утешить.

Джеф явно бессознательно ритмично барабанил пальцами по собственному колену.

– Надо приложить лёд, – решил он, быстро вставая. – Завтра тебе обеспечен качественный синяк. И надо бы пройти осмотр – может оказаться трещина. Поедем завтра к врачу.

– Нет, – не отрывая от него глаз, торопливо отказалась Николь. Какой ещё врач! Папа всех их просто уроет, если позвонит и не застанет её у деда. – Завтра мне придётся ехать к бабушке.

Джеф вынул из её податливых пальцев бокал, меряя её взглядом. Потянулся за салфеткой. Задумчиво уронил:

– Раздевайся. Иди, ложись, утро вечера мудренее. Я – за льдом.

Николь, вздрагивая, опустила штанину, медленно пробралась на второй этаж, представляя, с каким злобным видом Джеф на кухне колет помельче лёд. Она едва успела, постанывая, стянуть с себя узкие джинсы, как он вернулся. Приложил к ушибу салфетку и потребовал:

– Рассказывай.

Пришлось рассказывать, пока он мягко водил по ушибу и вокруг него обёрнутым в льняную ткань льдом. Потом оставил сырой свёрток на ушибе, положил руки ей на голову. Николь, постепенно расслабляясь, осела на подушке, медленно хлопая ресницами. Лёд распространял холод по ноге. Кончики пальцев Джефа у её висков были прохладными, в отличие от его горячих ладоней, лежащих на её макушке. Она заснула где-то посреди своего монолога и Джеф, наклонившись, с томительным вниманием приглядывался к её лицу. Она посапывала, морщилась во сне, но в общем выглядела неплохо. Он осторожно осмотрел её, как мог и ничего такого, что можно было бы обозначить как побои, не нашёл. Потом тихонько набросил на неё одеяло, сходил за новой салфеткой со льдом: прежний компресс весь размок. Лёг рядом, чувствуя бессилие и злость. Он сам не знал, сколько он так пролежал, прежде чем заснул, подавляя эти всплески, волнами наваливающиеся на него от его размышлений. Николь лежала, не шевелясь, только иногда хныкала. Джеф сквозь сон прикладывал ей ладонь ко лбу и снова проваливался в тьму и тепло.

Его разбудил свет. Надо же! Он повернул голову, взглянуть на часы.

Прищурился спросонья, наводя резкость, чтобы яснее разглядеть зелёные цифры. Без четверти девять. Потянулся. Взглянул на Николь, чувствуя себя Тристаном. Она за всю ночь так и не шелохнулась. Собственное сравнение ему не понравилось – история Тристана и Изольды плохо кончилась. Скорее он похож на Окассена. Он улыбнулся. Это сравнение было куда лучше, хоть там и есть тюрьма. Каждой Николетте по своему Окассену! – всё равно венчает всё венчание.

Джеф аккуратно и легко соскочил с кровати. Поглядел на Николь снова. Сколько она ещё проспит? Успеет он принять ванну до того, как ей понадобится? Или нет? Само сомнение моментально решило внутренний спор. Раз выбор стоит между собственным удовольствием и потребностями Николь – душ.

Сколько бы она там не проспала. Он, шурша одеждой, стащил измятый костюм, не развязывая до конца, содрал с себя галстук, попутно потягиваясь. Постоял под струями воды, жмурясь и размышляя.

Николь его беспокоила и очень сильно. Её жизнь с родителями казалась ему, по меньшей мере, странной. О ней заботились, её любили и жалели. От неё требовали выполнения обязанностей, по мнению родителей, вполне соответствующих её возрасту и положению. Казалось бы – всё в порядке. Обычная, нормальная семья. Но невооружённым глазом он видел, насколько расшатаны нервы у Николь. Она могла за десять минут поплакать от огорчения, поплакать от счастья, повеселиться почти до истеричного смеха и погрузиться до отчаяния. Если бы эти переходы были плавными! Тогда, думается, Джеф неплохо бы выдерживал подобный экстремальный режим. Но вот так резко... Не успевая за её эмоциональным фоном он иногда просто входил в разнос.

Причём, честно признался он сам себе, если ещё всего лишь два месяца назад Николь была просто грустной, даже робкой старшекласницей, обычной школьницей порой очень нахальной со своими близкими, то теперь она растеряла оставшиеся малейшие намёки на детство. Стала похожа скорее на студентку, и вчерашний подросток в ней совсем не просматривался. Она сильно повзрослела и, кажется, выросла, словно вытянулась вверх, хоть Джеф точно знал – её размеры остались прежними: только логика ему подсказывала, что роста в Николь не

прибавилось. Николь носила те же самые вещи, что и осенью, но теперь её выбор разительно переменялся – ушли в прошлое неизменные чёрные брюки и блузки, сменившись обычными синими джинсами, появились светлые цвета в одежде.

Но зато теперь сама Николь была чаще тихой и неулыбчивой. И Джеф, тревожно вглядываясь в её похудевшее лицо, спрашивал себя, не он ли сам неосознанно притушил светлую улыбку Николь своим рационализмом?

Иногда, размышляя о том, как сильно изменила её болезнь, Джеф, глядя на неё, ловил скрытый взгляд, направленный на него. Он терялся от этого взгляда.

У них всё было решено и разложено по полочкам, но ему казалось, что Николь ждёт от него подтверждения их обоюдных решений каждый день, каждую минуту. Ему было скучно повторять, то, что они давно обговорили, а Николь своим взглядом требовала именно этого, по его мнению. Джеф развлекал её, пытался отвлечь, но она окидывала его темнеющим зелёным огнём, и он видел лишь боль. Столько боли было в этом её взгляде, что ему становилось нехорошо.

Иногда она словно выползала из скорлупы своей печали, начинала вдруг веселиться, улыбаться, но это было ещё хуже. Если раньше ему легко удавалось нормализовать её настроение, заставляя задумываться над тревожащими её вопросами, то теперь этого не получалось совсем. Она размышляла, отвечала, её умозаключения были глубоки и правильны, но добавляли ей грусти и Джефу порой казалось, что Николь впала в депрессию.

Он почувствовал, что пора выбираться из душа. Поёжился под острыми струями с чередующейся пульсацией воды и шагнул, не вытираясь, на мягкий красно-коричневый коврик. Постоял, наслаждаясь ощущением холода на сохнувшей коже. Раздражённо сдвинул коврик из-под ног в сторону: его прилипчивое тепло мешало сосредоточиться, пока тройные лезвия, направляемые жёсткой рукой, оглаживали щёки. Оглядел придирчиво себя в зеркале, задирая голову, чтобы увидеть шею.

Когда он вышел, запахивая халат, наткнулся взглядом на серьёзные глаза Николь.

– Есть хочешь? – Поинтересовался он, присаживаясь на край кровати, чтобы немного приблизиться к ней и рассматривая её. – Доброе утро.

Выглядела она усталой, немного бледная, круги под глазами. Кивнула, чуть улыбаясь. Джеф снова спросил:

– Как дела? – Она поморщилась. Ясно. Дела неважные. – Что болит?

Николь помолчала, прислушиваясь к себе.

– Всё: спина, нога, бок, – усмехнулась она и летуче-досадливо поморщилась: – А, неважно.

Джеф мгновенно разозлился. Медленно вздохнул, раздувая ноздри и считая про себя, чтобы успокоиться. Ладно, нога – понятно: с таким-то ударом. Спина тоже объяснимо в принципе, судя по её биологическим часам. Но бок-то здесь при чём? Он, осторожно дотронувшись до её руки, сказал, даже не подозревая, насколько у него изменилось лицо.

– Важно. Давай посмотрим, – и не дожидаясь согласия, тихонько снял с неё одеяло.

Николь, стеснённо рассматривая выражение его глаз сочла, что лучше не спорить. Вся её левая нога, расцвеченная разной величины синяками приобрела весьма устрашающий вид. Опухоли на кости не помог и лёд – тут дело было совсем худо. Джеф взглянул на неё, чувствуя, как дрожат пальцы и в душе плещет огненная, как расплав, ярость.

Николь сама была поражена таким зрелищем: ошарашенно подняла на него глаза, приоткрыв рот. Он спросил, намеренно тихо, стараясь не пугать её ещё больше и с усилием разжимая зубы:

– Т-ты уверена, что ты просто упала? Может, он тебя всё-таки п-побил?

– Нет-нет, что ты! – Торопливо заверила его Николь, явно потрясённая собственной метаморфозой. – Нет. Я правда упала – поскользнулась и просто съехала на боку по лестнице вниз.

– Р-раздевайся, – с таким же выражением лица велел Джеф и сам начал помогать снять футболку. Она молча подчинилась, растерянно поглядывая на него. – Что ещё болит? Ложись-ка.

Его руки мягко вынудили её лечь на правый бок. Николь слушала над собой его дыхание, пока он осматривал её бок и спину. Было приятно, как он пыхтит над ней, его размеренные длинные вдохи и короткие выдохи всегда успокаивали её. Потом она почувствовала на себе его ладони и просто лежала, расслабившись, наслаждаясь тем, насколько лёгкими и нежными могут быть его твёрдые пальцы. Лежала тихо, привычно не шевелясь и рассказывала, понимая, что Джефу необходимы вразумительные объяснения:

– Понимаешь, это не совсем падение, если уж честно. Я просто прыгнула. Мне хотелось поскорее убежать, ничего не слышать, ничего не видеть. Я так торопилась и просто прыгнула вниз, как прыгают с вышки в бассейне: бежать было так долго и время тянулось так медленно. У папы было так много слов в запасе, а я хотела, чтобы всё скорее закончилось. Он мне надоел своими придираками. Прыгнула и мне стало всё равно, что со мной будет. Я тогда всё забыла, даже тебя, даже маму, не было вокруг ничего, только равнодушие. Хорошо ещё, что я на лестницу прыгнула, я так думаю, а могла и в проём, чтобы уж наверняка сократить расстояние. Да там на журнальном столе внизу ваза стояла, я подумала: "разобью", представила, как взорвётся этот хрусталь, когда я приземлюсь. Не люблю я битые стекла с некоторых пор.

Он знал, с какого времени она не любит битые стекла. Тонкие полоски шрамов на ногах от некоторых порезов с осени так и остались. Джеф, едва прикасаясь к ней, делал ей массаж, разминая мышцы и пытаясь справиться с клокочущей внутри яростью. Молчал, потому, что просто не мог говорить. Николь тоже замолчала, только иногда чуть постанывала под его ладонями. Её откровенность совсем ничего ему не объясняла. Он не имел никакого права не верить ей. Глотал расплавленный в горле комок эмоций, вспоминая вчерашнего ночного спокойного Тома, хлопающего себя по карманам. По нему нельзя было сказать, чтобы он был зол или стыдился. Обычный, улыбающийся Том.

По отметинам на теле Николь Джеф ничего не мог понять о характере её падения – он же не судмедэксперт. Заставить её пройти освидетельствование? Она ни за что на это не согласится. Он понимал почему: это очень громкий скандал. Привлечение внимания общественности.

Тогда вытащат кучу грязного белья – журналисты мастера откапывать забытые истории. Не поздоровится никому: ни Тому, ни Марине, ни Николь, ни Джефу. Встряхнут все родственные связи до энного колена. Свои скелеты в шкафу Джеф знал поимённо. А сколько их может оказаться у Тома?

Прошло не меньше нескольких длинных минут пока он овладел своим голосом. Прижался лбом к её спине, потёрся лицом о бархатистую кожу, шепча хрипло:

– Бедная моя девочка. Моя маленькая упрямая девочка.

7

Почти весь день она лежала, не вставая. Это было так приятно: ничего не делать. Можно было спокойно смотреть на Джефа. Он отдал этот день ей. Ничего не печатал и не анализировал у себя на компьютере, забросил все дела, которые только мог себе придумать. Иногда выходил ненадолго и она пару раз слышала шелест и шум внизу, какие-то голоса. Джеф, вернувшись, ничего не говорил и когда она спросила, усмехнулся: "сюрприз".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.